РОМАН ГУЛЬ и ВИКТОР ТРИВАС

ТОВАРИЩ ИВАН

пьеса

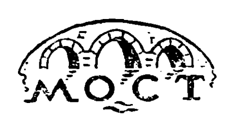

ТОВАРИЩ ИВАН

РОМАН ГУЛЬ и ВИКТОР ТРИВАС

ТОВАРИЩ ИВАН

пьеса в 3-х актах и 9-ти картинах

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МОСТ», НЬЮ ИОРК, 1968

Reprint from The New Review, New York,
vol. 92, September 1968.

ТОВАРИЩ ИВАН

ПЬЕСА В 3-х АКТАХ И 9-ти КАРТИНАХ

ОТ АВТОРОВ

Фоном этой пьесы взят русский террор начала века. Но это отнюдь не историческая реконструкция событий и лиц. Тема пьесы — психология террора и провокации взята, как таковая, вне «географии» и вне «истории». Эта тема современна и международна.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Иван — начальник Боевой Организации.

Виктор, *Вера*, *Петр*, *Сергей*, *Соня*, *Митя* — боевики

Евгений, *Нил*, *Глеб*, *Мария* — члены Центрального Комитета

Генерал Козлов — начальник Охранного Отделения

Серов — чиновник Охранного Отделения

Эрнестина — любовница Ивана

Лакеи, жандармы, боевики, цекисты, проститутка, цыгане, банщики, хозяйка-финка.

АКТ ПЕРВЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Гостиная в публичном доме мадам Эрнестины. На стене висит большая копия знаменитой картины Э. Манэ "Олим-

пия", изображающей лежащую голую женщину. В углу стоит скульптура Венеры Милосской, на ней почему-то надета зеленая модная шляпа. Из-за кулис слышна музыка, пианино, играют веселую польку. Смех, голоса, топот ног. Входит слуга, за ним Виктор — молодой человек лет 26-ти, в русской косоворотке, подпоясанный кавказским ремешком, в высоких сапогах.

СЛУГА *(оглядывает его пренебрежительно)*: Обождите здесь! *(уходит).*

Виктор прислушивается к музыке, осматривается, видит копию "Олимпии". Подходит к картине, разглядывает. Потом садится на диван. Из-за кулисы высовывается молоденькая девушка, полуодетая и сильно накрашенная.

ДЕВУШКА: Госпожа Эрнестина!

Виктор вздрагивает, оборачивается.

ДЕВУШКА *(входит)*: Ах, извиняюсь... Вы что здесь, девушку ждете? Вы бы в зал пошли!

ВИКТОР *(растерянно)*: Да нет... я здесь...

ДЕВУШКА *(близко подходя к Виктору)*: Да что вы такой пугливый?... Вы что, в первый раз здесь?

ВИКТОР: Да... первый раз...

ДЕВУШКА: Это завсегда с молодыми людьми так, которые в первый раз... Ты красивенький! *(Садится к нему на колени, обнимает за шею)*. Я тебе нравлюсь?

ВИКТОР *(смущенно)*: Да... только...

ГОЛОС ЭРНЕСТИНЫ *(за кулисами)*: Манька! Да куда ж ты, стерва, провалилась?! Гость зовет!

ДЕВУШКА *(испуганно соскакивает с колен Виктора)*: Вы меня потом у хозяйки спросите... Скажите, что Маню хотите... Маню младшую — у нас здесь две Мани... Хорошо?... *(убегает).*

Виктор смотрит ей вслед. Потом вынимает лист бумаги. Положив его на стол, начинает что-то писать. Входит Иван. Ему лет 40, полный, бородатый, исключительно уродливый. Уродливость подчеркнута преувеличенной и безвкусной элегантностью: цилиндр, пальто с бархатным воротником, тросточка, сигара в зубах и цветок в петлице. Виктор, не замечая его, продолжает писать.

ИВАН: Вы — Виктор?

Вздрогнув от неожиданности, Виктор встает, бумага соскальзывает на пол. Он смотрит на Ивана с явным изумлением.

Иван сбрасывает пальто, кладет цилиндр и тросточку на стул.

ВИКТОР: Вы... вы — товарищ Иван?

ИВАН: Вы не ошиблись, — товарищ Иван! Да что вы смотрите на меня, как на пугало? *(Садится на диван).*

ВИКТОР *(смутившись)*: Да нет... Я просто ожидал... То-есть не ожидал...

ИВАН *(усмехаясь)*: Вы думали, что глава Боевой Организации появится перед вами в плаще и широкополой шляпе? С бомбой под мышкой, с кинжалом в руке? Нет, мой друг! Для террориста первое дело — это выглядеть совершенно иначе, чем его представляют себе дураки. Вот вы, например, в вашей косоворотке а-ля Максим Горький... сразу же видно, что вы — революционер! *(Зовет)* Семен!

Входит слуга.

ИВАН *(слуге)*: Принеси коньяку... и две рюмки. И скажи Эрнестине Густавовне... или нет, не надо. Просто принеси коньяку.

Слуга уходит.

ИВАН *(Виктору)*: Садитесь. *(Видит бумагу на полу).* Что это вы здесь писали?

ВИКТОР *(смутившись, поднимает бумагу)*: Да так просто...

ИВАН: Держу пари, что стихи! Да? У вас вид такой... поэтический!

ВИКТОР *(со смущенной улыбкой)*: Записал... что пришло в голову, когда шел сюда.

ИВАН *(смеется)*: Поэт! А еще в террор хотите... Вы ведь в террор хотите?

ВИКТОР *(твердо)*: Да, хочу в террор!

ИВАН: Почему же именно в террор? В партии много и другой работы.

ВИКТОР: Потому, что террор мне психологически ближе.

ИВАН *(с иронией)*: Пси-хо-ло-ги-че-ски!? А вы знаете, что за эту психологию надо быть готовым к веревочке? *(Проводит рукой по шее).*

ВИКТОР *(твердо)*: Знаю. Но я — революционер, и я убежден, что единственный способ сломить самодержавие это — террор!

Входит слуга с бутылкой коньяка и рюмками. Ставит все на стол перед ними. Уходит.

ИВАН *(наливает коньяк в обе рюмки)*: Вы в этом твердо убеждены? *(Отпивает).*

Из-за кулисы вбегает Маня. Видит Ивана и в испуге замирает.

МАНЯ *(Ивану)*: Извиняюсь... я не знала, что вы здесь...

ИВАН *(передразнивает)*: Ты не знала, что *я* здесь! А ты знала, что *он* здесь? Наметила себе лакомый кусочек? *(Шутливо пугает ее).* Кшш...

Девушка убегает. Иван смотрит на Виктора, отпивая коньяк.

Пауза.

ИВАН: Какая ваша профессия?

ВИКТОР: Я окончил юридический. Поступил к адвокату. Но понял, что всякая мирная жизнь не для меня, и я решил уйти в революцию.

ИВАН *(после паузы)*: Понимаю. Я в свое время окончил медицинский. Стал даже практиковать... *(смеется)* ухо, горло и нос... А потом бросил все... и тоже ушел в революцию... *(Пауза).* Вас товарищ Евгений из Центрального Комитета рекомендовал. Вы его давно знаете?

ВИКТОР: Товарищ Евгений — друг моего отца.

ИВАН: А кто ваш отец?

ВИКТОР: Священник.

ИВАН: Священник? Странно. *(Пристально смотрит на Виктора).* Впрочем, духовное сословие всегда поставляло достаточное количество революционеров. *(Пьет. Пауза)* А в Бога вы верите?

ВИКТОР: Не понимаю, какое это может иметь отношение к нашему делу?

ИВАН: Как, какое? А шестая заповедь? "Не убий!" Забыли?

ВИКТОР: По-моему, эта заповедь неприложима к борьбе с тиранией.

ИВАН: Ах, так? Ну, это несколько субъективное толкование. Но меня оно устраивает. *(Пауза)* А вы когда-нибудь кого-нибудь убивали?

ВИКТОР *(вспыхнув)*: Что это за разговор? За кого вы меня принимаете?

ИВАН: Так откуда же вы знаете, что вы сможете убить?

ВИКТОР: Солдат на войне тоже никого никогда раньше не убивал! Мы — в состоянии войны с самодержавием, с политической тиранией, с насилием над человеком...

ИВАН *(морщась, перебивает)*: Да вы не горячитесь! Мы же не на студенческой сходке. *(Отпивает коньяк)* Стало быть, вы отдаете себе ясный отчет в том, что, входя в Боевую Организацию, вы идете на убийство того, кого вам укажут, и сами тоже, так сказать, вкладываете голову в петлю? *(Усмехаясь, испытующе смотрит на Виктора)* Ведь висеть на виселице — тоже небольшое удовольствие!

ВИКТОР: Я все это знаю. Для меня террор — это святое дело, пусть я погибну, за мной придут другие. И под нашими ударами самодержавие, я верю, будет сломлено, и русский народ освободится от рабства!

ИВАН *(иронически)*: "Друг Аркадий, не говори так красиво!" А ведь некоторые думают, что террор — это просто синдикат убийц?

ВИКТОР *(вспыхнув)*: Я не люблю, когда надо мной иронизируют! *(Резко встает)*.

ИВАН *(повелительно)*: Садитесь!

После некоторого колебания Виктор садится.

ИВАН: Вы не понимаете шуток и не умеете себя сдерживать! Слишком горячи... Это для террориста плохо. *(Встает, прохаживается по комнате. Останавливается перед Виктором, говорит веско, повелительно)*. Боюсь, что террор, который я веду, не соответствует вашей романтической фантазии. Это — не террор каких-то там индивидуальных героев-одиночек. Эти времена прошли. Теперь между нами и самодержавием война не на жизнь, а на смерть! Мы убиваем, и нас убивают. И в этой войне я требую от подчиненных мне боевиков абсолютного повиновения, железной дисциплины, полного отказа от личной жизни и готовности итти на смерть в любую минуту. Никаких этих сентиментов и стишков у террористов нет! Боевая Организация — это как военная организация. В ней есть солдаты, и есть начальники. И у солдата не может быть ни своих мнений, ни своих чувств. Боевики — это солдаты революции... Они только выполняют приказ партии, т.-е.

мой приказ, потому что Центральный Комитет поставил меня во главе террора... Поняли? Подумайте об этом хорошенько.

Пауза. Иван отходит, останавливается перед картиной Манэ, рассматривает ее, потом обращается к Виктору.

ИВАН: Вы по-английски говорите?

ВИКТОР: Немного... всего несколько слов.

ИВАН: Ничего, сойдет... Вы по типу слегка напоминаете англосакса. При случае можете сойти за коммерсанта, за представителя какой-нибудь английской фирмы. Это мне может пригодиться. Только для этого надо, конечно, соответственно одеться. Ну, денег-то у вас, конечно, нет?

ВИКТОР *(отрицательно качает головой)*: Нет. Да они мне и не нужны.

ИВАН: Деньги в нашем деле всегда и очень нужны — поверьте моему опыту! *(Достает из бокового кармана толстую пачку кредиток, передает их Виктору).* Выправьте себе заграничный паспорт и поезжайте в Берлин. Встреча на Унтер-ден-Линден, в кафе Бауэр, через две недели, в среду, в 3 часа дня. Запомните. А теперь идите. У меня здесь еще одна явка.

Протягивает руку, Виктор горячо жмет руку Ивана. Идет к выходу, останавливается, колеблется, потом поворачивается к Ивану.

ВИКТОР: Товарищ Иван...

ИВАН: Да?

ВИКТОР: Могу я вам задать один вопрос?

ИВАН *(усмехаясь)*: Почему я вам дал явку в публичном доме?

ВИКТОР *(смущенно)*: Да...

ИВАН: Потому что этого требует наша конспирация. Полиция у мадам Эрнестины на жалованьи. И никогда сюда не заглядывает — разве, чтоб позабавиться! Ясно?

ВИКТОР: Понимаю... Прощайте...

Быстро уходит. Иван, улыбаясь, смотрит ему вслед, затем вынимает из жилетного кармана гребень, расчесывает перед зеркалом бороду. Прохаживается, напевает: "Мы домчимся в край чудесный — к неизвестной красоте". Появляется мадам Эрнестина, красивая, полногрудая немка, затянутая в корсет. Типичная содержательница публичного дома.

ИВАН *(к ней навстречу)*: Mein Liebchen!

Обнимаются, целуются. Садятся на диван.

ЭРНЕСТИНА *(кокетливо)*: Ты меня совсем разлюбил, пуши-муши! Vier Wochen — от тебя ни слова!

ИВАН *(целует ее взасос)*: Как ты можешь говорить такую чепуху? Я только о тебе и думал! Смотри, что я тебе привез.

Вынимает из кармана коробочку и передает ей. Эрнестина открывает коробочку.

ЭРНЕСТИНА *(восторженно)*: Gott im Himmel! Какая прелесть! *(хочет приколоть большую бриллиантовую брошь).*

ИВАН: Нет, нет, дай я сам...

Прикалывает брошку ей на грудь и одновременно ласкает ее. Эрнестина смеется. Иван пытается опрокинуть ее на диван довольно решительно. Эрнестина освобождается из его объятий.

ЭРНЕСТИНА *(разыгрывая возмущение)*: Сумасшедший! Ты мне испортишь всю прическу! Не можешь подождать einige Minuten?!

ИВАН: Я ждал тебя целый месяц! *(Встает с дивана)* Хорошо, хорошо... не сердись! Ну, как у тебя здесь, все в порядке?

ЭРНЕСТИНА: С этими девками сладу нет. Я с ними не могу справиться! Никакого благородства! Ты знаешь, что я решила?

ИВАН: Что?

ЭРНЕСТИНА: Продать все дело, переехать в Берлин и открыть там пансион для благородных девиц.

Иван громко хохочет.

ЭРНЕСТИНА: Was ist los? Почему ты хохочешь?

ИВАН: Потому что твоя наивность умилительна!

ЭРНЕСТИНА: Warum... наивность?

ИВАН: Darum, что сегодняшние благородные девицы ведут себя хуже, чем твои девицы! Ха-ха-ха!

Обрывает смех, когда видит, что Эрнестина обижена. Садится с ней на диван, обнимает ее.

ИВАН: Ну, не обижайся, mein Liebchen! Тебе нечего открывать пансион. Продай это дело и переезжай себе в Берлин. А я уж позабочусь о тебе. У меня сейчас на виду большое дело, я могу хорошо заработать! Если выйдет, ты получишь горностаевую шубку. Довольна?

Начинает ее целовать. Эрнестина отвечает ему поцелуями.

Темнота

СЦЕНА ВТОРАЯ

Комната революционеров в Женеве. Товарищ Евгений сидит в медицинском кресле на колесиках. Это — старый, больной человек, типичный интеллигент. Делает какие-то поправки в манускрипте. На первом плане, в стороне — товарищи Нил и Глеб. Нил — полный, жовиальный мужчина, лет 45, с огромной шевелюрой. Глеб — лет 50, лысый, с нависшими усами, в очках. Они играют в шахматы. Евгений диктует. Маша — пожилая женщина, с коротко остриженными волосами, — записывает.

ЕВГЕНИЙ: Центральный Комитет нашей партии...

Евгений внезапно стонет, хватаясь за живот. Манускрипт падает на пол. Нил и Глеб бросаются к Евгению.

НИЛ: Что, Евгений? Тебе плохо?

Маша наливает воду в стакан, подает Евгению, но тот отстраняет ее руку.

ЕВГЕНИЙ: Опять нестерпимая боль в желудке! Я не должен был есть вчера эту проклятую утку!

МАША: Ну, разве же я тебе не говорила вчера — не ешь утку, не для тебя это! Тебе доктор что говорил? Ничего жирного!

ЕВГЕНИЙ *(перебивая)*: Доктор... доктор... Дай мне лучше капли. *(Слабо стонет)*.

МАША *(доставая капли)*: Да потерпи же ты... не стони... сейчас накапаю. Ах, какой ты нетерпеливый! *(Шутя)* А еще председатель Центрального Комитета... заслуженный революционер!

НИЛ: Ну, знаешь, Маша, когда живот схватит — тут уж не до революции! *(Хохочет громко, деревянно, на всю комнату)*.

ГЛЕБ: Я знаю здесь в Женеве одного гомеопата — он просто чудеса делает! Почему бы тебе, Евгений, не обратиться к нему?

НИЛ: Ты бы еще гадалку порекомендовал!

ГЛЕБ: Гомеопатия — это наука!

НИЛ: Наука для старых дев... Может, твой гомеопат поможет тебе отрастить волосы, чтобы закрыть твою лысину? *(Опять хохочет)*.

ГЛЕБ: Знаешь, Нил, поговорку: волос долог, да ум короток!

МАША: Да что вы вечно пикируетесь? Товарищи цекисты... постыдились бы! Ну, прямо как школьники...

ЕВГЕНИЙ: Правда. Перестаньте, товарищи! Маша, садись, я дальше диктовать буду.

Маша садится с ним рядом, берет блокнот. Нил и Глеб возвращаются к шахматной доске.

ЕВГЕНИЙ *(диктует)*:

"...Центральный Комитет нашей партии подчеркивает со всей ясностью, что в борьбе с тиранией он будет проводить все виды террора: террор эксцитативный, террор дезорганизующий и террор агитационный..."

НИЛ: Вот это здорово! Что ты морщишься, Глеб? Знаю, знаю, что тебе, "непротивленцу", это не по вкусу!

ГЛЕБ: При чем тут "непротивленцу"? Я, слава Богу, двадцать пять лет борюсь с самодержавием! Но я никогда не скрывал своего отрицательного отношения к политике террора. Революция не делается убийствами губернаторов и министров... По-моему, это политика ненужных убийств... Она разлагает, прежде всего, самих террористов, разлагает нашу партию, разлагает все общество... И я считаю ее вредной.

ЕВГЕНИЙ: Самодержавие вешает наших товарищей, революционеров. Что же *это*, по-твоему, не убийства?

ГЛЕБ: Я понимаю, Евгений, ты хочешь — око за око, зуб за зуб? А я думаю, что на такой крови ничего хорошего не построишь!

ЕВГЕНИЙ: Революцию, Глеб, в белых перчатках не делают!

НИЛ: Значит, что же? По-твоему выходит, что мы — просто убийцы, что ли? *(Хохочет опять на всю комнату).*

ГЛЕБ: Не говори глупостей, Нил. Я вовсе не "непротивленец", как ты меня изволишь величать. Но террор я не признаю, даже индивидуальный террор. Мы знаем примеры: Равальяк убивает Генриха 4-го. Ну, и что? Изменилось что-нибудь после этого во Франции? Ничего. И наш Дмитрий Каракозов с револьвером вышел на царя, стрелял, его схватили и повесили. Пропала ценная молодая жизнь...

ЕВГЕНИЙ *(перебивает раздраженно)*: Ну да, Каракозова схватили и повесили! А вот после него на царя создался заговор уже не одиночки, а организации — пусть небольшой — и они убили Александра Второго.

ГЛЕБ: Как раз перед введением конституции, добавим...

НИЛ: Так что ж ты — за конституцию, что ль, иль за революцию? Насколько мне известно, наша партия стоит за насильственное свержение самодержавия! И — кто знает, может быть, после революции мы и поставим где-нибудь там в Москве мадам Гильотину...

ГЛЕБ: На Гревской площади...

НИЛ: Зачем на Гревской? В Москве своих площадей достаточно... Места найдутся...

ГЛЕБ: Только помни, Нил, что эта самая мадам Гильотина укорачивала на одну голову не только французских аристократов, но и Дантона, и Робеспьера, и сотни якобинцев.

НИЛ: А такой ошибочки мы уж, конечно, постараемся избежать. Это я тебе обещаю! *(Хохочет)*.

ГЛЕБ: Нет, Нил, ты меня не переубедишь. Я подчиняюсь большинству Центрального Комитета, но так называемый организованный террор считаю болезнью нашей партии. И вредной болезнью!

ЕВГЕНИЙ *(раздраженно, отрываясь от манускрипта)*: Товарищи! Если вы хотите продолжать этот бессмысленный спор, идите, пожалуйста, в кафе. Вы мешаете мне писать передовую!

НИЛ: Хорошо, хорошо, Евгений, не кипятись. Твой ход, Глеб. Что ты ждешь?

ГЛЕБ: Ты меня не торопи! Я люблю все делать обдуманно. *(Думает, затем делает ход)*.

НИЛ *(быстро)*: Гардэ твоей королеве!

ГЛЕБ *(спокойно)*: Мат!

НИЛ *(растерянно смотрит на доску)*: Как это так? Я просто не заметил твою пешку... Дай мне ход обратно!

Входит Иван. Он в темных очках, в мягкой шляпе, с растрепанной бородой.

ИВАН: Не давай ему хода, Глеб! Пусть Нил научится раньше думать, чем действовать! *(Хохочет)*.

НИЛ *(встает, обнимает Ивана)*: Здравствуй, дядя Ваня! Ты когда приехал?

ИВАН: Да только что. Здравствуй, Евгений, ну, как здоровье?

ЕВГЕНИЙ: Да ничего... слегка мучаюсь.

МАША: Не хочет пойти к хорошему доктору, вот и все!

ИВАН: А ты плюнь на докторов, Женя, и ешь, что тебе по вкусу. Бери с меня пример! *(Смеется).*

ЕВГЕНИЙ: Тебе хорошо смеяться — здоров, как бык! Ты откуда теперь?

ИВАН: Лучше не спрашивай! За три месяца я нигде не останавливался дольше, чем на два дня!

ЕВГЕНИЙ: Как идет подготовка в Петербурге?

ИВАН: Все в порядке. Боевая группа организована. Слежка выясняет маршрут выездов министра.

НИЛ: Так что ты оптимист?

ИВАН: Министр будет наш.

НИЛ: Браво! *(Громко хохочет).*

ГЛЕБ: Вы, товарищ Иван, были так же оптимистичны, когда ставили покушение на одесского губернатора. А в результате — губернатор остался жив, семь боевиков погибли на виселице, и десятки людей пошли в Сибирь! *(Пауза).*

ИВАН: Что вы хотите этим сказать?

ГЛЕБ: То, что вредно быть слишком оптимистичным! Среди ваших боевиков всегда могут быть провокаторы.

ИВАН: Конечно, могут быть. Каждому в душу не влезешь. На войне, как на войне!

ГЛЕБ: Я думаю, что при наборе боевиков надо тщательнее проверять их надежность.

ИВАН: Я доверяю своему чутью больше, чем вашим полицейским обследованьям!

НИЛ *(хохочет)*: Вот здорово отбрил, Иван!

ГЛЕБ: То, что вы так презрительно называете моими "полицейскими обследованиями", товарищ Иван, это — дело не менее важное, чем ваш террор. С той только разницей, что мое дело — спасать товарищей от виселицы, а ваше...

ИВАН *(перебивая его)*: ...подталкивать их на виселицу? Так что ли вы хотите сказать?

ЕВГЕНИЙ: Товарищи, товарищи, ну к чему эти колкости? Мы все объединены одним делом...

ИВАН *(перебивая его)*: Нет, ты уж прости меня, Женя, я хочу Глебу ответить! Я не подталкиваю боевиков на виселицу, товарищ Глеб, — я их веду на террор, и сам подвергаюсь такой же опасности, как и они! А, может быть, даже и большей... И это совсем не похоже на занятия некоторых других членов ЦК, которые сидят в Женеве и пишут историю партии!

ГЛЕБ: Каждому свое. Я никогда не был героем. Только вы, товарищ Иван, ошибаетесь в одном: я не только пишу историю партии, но и разоблачаю иногда провокаторов. Вы, верно, забыли об Ильине, в которого вы верили как в самого себя?

ИВАН *(пожимая плечами)*: Повторяю, что провокаторы всегда были и всегда будут. Войны без шпионов не бывает.

ГЛЕБ: Но их нужно разоблачать, этих ваших шпионов.

ИВАН *(равнодушно)*: Конечно. Разоблачайте — это ваше дело. Мое дело исполнять постановления ЦК и ставить террористические акты, а ваше — разоблачать предателей. *(Усмехаясь)* Так сказать, разделение труда — верный принцип достижений!

ЕВГЕНИЙ: Товарищ Иван прав. Его работа — боевая! Он не ответствен за единичные провалы. Кстати, Иван, помнишь в прошлом году я как-то просил тебя повидать сына моего друга — молодого человека, который хотел войти в Боевую?

ИВАН: Как же, как же! Виктор? Да, я его давно взял, забывал только тебе сказать об этом. Исключительно способный малый! Несколько эмоциональный и, как вся молодежь, чересчур идеалист. Но это — настоящий боевик, по призванью. Он уже участвовал в двух актах. И успешно. Сейчас он в боевой группе, готовящей акт на министра внутренних дел. *(Улыбается)* Ты б его и не узнал — как он разыгрывает роль богатого англичанина!

Темнота

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Конспиративная квартира террористов в Петербурге. Роскошная гостиная. Дорогая мебель, диван, стол, кресла, зеркала, ковры. В глубине большое окно. В углу — рояль. За роялем Вера в нарядном, элегантном платье. Аккомпанирует и поет сантиментальный романс: — "Забыты нежные лобзанья..." Вера — молодая девушка с мечтательными глазами. Входит Виктор, спортивно, по-английски одетый, с трубкой во рту. Вера прерывает пенье, встает навстречу Виктору.

ВЕРА: Ну, как, Виктор, все в порядке?

ВИКТОР *(улыбаясь)*: "Инспекционная поездка" мистера Мак Кинли, как всегда, прошла прекрасно. Все в полном порядке.

ВЕРА: Ты всех видел?

ВИКТОР: Всех. И Семена, и Фрола, и Марка. Лучше всех, пожалуй, Семен. Он дает самые точные сведения о маршруте министра. Редкий день не видит кареты *(раскуривает трубку, затягивается)*. Какой это революционер! И как он преобразился в уличного торговца — кричит, продает, как заправский лотошник — никакие филеры его не узнают...

Входят Мария, она одета как прислуга, кухарка, и Петр, одетый как лакей, в фартуке.

ПЕТР: Ну, как, Виктор?

ВИКТОР: Да вот рассказываю Вере, что все в порядке.

ВЕРА: А что же Семен говорит?

ВИКТОР: Торопит, конечно. Говорит, что карета министра стала его психозом. В его описании она превращается в какую-то поэму. Он точно знает, что у кучера рыжая борода, вожжи белые, рядом с кучером всегда лакей, широкие подножки, стекла ярко начищены... Знает весь маршрут до самого дворца...

МАРИЯ *(перебивает)*: А как Марк?

ВИКТОР: И Марк, как извозчик, дает ценные сведения. Только он чересчур уж рискует — иногда становится у самого министерства...

ПЕТР: Молодец, Марк.

ВИКТОР: Я сказал ему, что это совершенно ненужный риск.

ВЕРА: Господи, но что же это такое? Чего мы ждем? Ведь все же готово — мы можем хоть сегодня метать.

МАРИЯ: А снаряды готовы?

ВИКТОР: Готовы — четыре. Один у Семена, другой у Фрола. А два сегодня с черного хода Марк привезет сюда. Вы его, Петр, встретьте, он скоро привезет...

ПЕТР: Ладно, встречу. Ну, я пошел по своим *(улыбаясь)* лакейским делам, сегодня надо лестницу мыть. *(Уходит)*.

МАРИЯ: Да и я пошла в кухню. *(Вере и Виктору)* Вы наверное уж проголодались, скоро будем обедать. *(Уходит)*.

Вера и Виктор одни. Виктор подходит к Вере. Обнимает ее.

ВИКТОР: Какая ты сегодня красавица....

ВЕРА *(с тоской)*: Если б ты знал, как мне надоело разыгрывать эту роль барыни, носить на себе все эти дорогие тряпки, брошки, кольца...

Садятся на диван.

ВИКТОР: А что ж ты думаешь, что я переродился в этого богатого мистера Мак Кинли? Ты думаешь мне не надоел весь этот маскарад? Ведь я креплюсь из последних сил... у меня все время какая-то чертова бессонница. Я думаю только о нем — о министре — и день и ночь. Сижу на его приемах, гуляю с ним в парке, завтракаю во дворце, еду в карете по Петербургу... А если засыпаю, то все какие-то кошмары...

ВЕРА *(участливо, нежно)*: Бедный ты мой, как ты измучился! Вот ты и эту ночь во сне вскрикивал, метался, скрипел зубами...

ВИКТОР: Да, что-то снилось, уж не помню... И знаешь, все какие-то несуразицы снятся... Я заметил, это у меня всегда... когда появляются сомнения...

ВЕРА: Какие сомнения?

ВИКТОР: В терроре... Вот на-днях мне приснилось, что сижу я в какой-то грязной пивной и вижу — за соседним столом сидит человек. И лицо его мне, будто, очень знакомо... Но он все время от меня отворачивается... Наконец, вдруг он поворачивается ко мне и смотрит мне прямо в глаза... И я его узнаю... Сразу узнал...

ВЕРА: Кто ж это?

ВИКТОР: Раскольников!

ВЕРА: Ааа... Это наверное потому, что мы — помнишь? — вечером как-то говорили о Достоевском, о "Преступлении и наказании"?

ВИКТОР: Может быть. И он на меня смотрит... какими-то странными глазами... и что-то говорит, только я ничего не понимаю, не слышу... вижу только — у него губы шевелятся. И вдруг я все понял!

ВЕРА: Что понял?

ВИКТОР: Он говорит: все позволено... все позволено... Я закричал... Что позволено? Убить человека позволено? И вдруг я понял... именно понял, что это — не Раскольников, и не пивная... а я сам... в зеркале!

ВЕРА: Виктор, милый! Ты не должен себя так мучить...

ВИКТОР: Знаешь... когда мы ставили первый акт — на уфимского губернатора, Иван назначил меня вторым метальщиком... Я должен был бросить бомбу только, если бы Николай промахнулся. И вот я стоял в двадцати шагах от него и молился Богу... именно молился... словами, про себя молился... Господи, не дай

Николаю бросить бомбу... дай мне... И мне тогда казалось, что это было бы для меня самое высшее счастье... если бы мне удалось убить губернатора... И вдруг я увидел, как Николай поднял бомбу, размахнулся — и все взорвалось... Взрывом меня опрокинуло на землю... Я лежал, точно парализованный... Слышал вокруг какие-то страшные крики... а когда дым рассеялся, я увидел трупы... раненых... убитую женщину с ребенком... кучера... Еще трех... каких-то незнакомых людей... один с бородой... Я не помню, как я ушел оттуда — я шел, как слепой... ничего не понимая... Шел и только думал: теперь я должен убить себя... убить, чтобы искупить грех...

ВЕРА *(со слезами)*: Бедный ты мой, Виктор...

ВИКТОР: Раскольников говорил, что убить старуху-процентщицу — не грех. И в этом, в сущности, и есть у него оправдание всякого убийства.

Виктор встает с дивана. Встает и Вера.

ВЕРА *(кладет Виктору руки на плечи, умоляюще)*: Милый... Виктор... перестань! Ты же ведь никого не убил!

ВИКТОР *(со странной улыбкой)*: Вера, ты говоришь со мной как с ребенком. Ну, какая же разница — подготовляю ли я акт или бросаю бомбу? Ведь гораздо даже честнее метать бомбу, рискуя жизнью, чем жить здесь, в безопасности, как мы...

ВЕРА: В какой же ты безопасности? Мы ведь тоже рискуем жизнью каждую минуту...

ВИКТОР: Но это все-таки не то же самое. Ты же знаешь! Я упрашивал Ивана назначить меня метальщиком. Я хотел привязать бомбу к себе и броситься с ней под карету министра. И тогда — верная смерть, и я бы искупил убийство...

ВЕРА: Искупают *грех,* Виктор. А убийство таких извергов, как этот министр, это вовсе не грех!

ВИКТОР *(перебивая)*: Я все это знаю, знаю... И сам себя тоже в этом убеждаю. А вот все-таки...

ВЕРА: Ну, что — все-таки?

ВИКТОР: Ведь так можно оправдать *всякое убийство,* Вера. Понимаешь — *любое убийство!*

Из соседней комнаты входит "лакей" Петр, несет бомбы в виде двух конфетных коробок.

ПЕТР *(улыбаясь, похлопывая рукой по коробкам)*: Вот оно, пришло угощеньице для господина министра... Только зарядить

и... со святыми упокой, господин министр... Ты о чем тут, Виктор, разводишь? Можно ли "оправдать" убийство?

ВИКТОР: Я о том, что... какое убийство дозволено, а какое не дозволено...

ПЕТР: Ну, пошла писать губерния! Поехала твоя "философия"!... А, по-моему, все это очень просто: бывают убийства справедливые и несправедливые... вот и все... очень просто!

ВИКТОР: Просто? Какие же, по-твоему, Петр, убийства справедливые? И справедливые для кого?

ПЕТР: Те убийства, которые в результате приносят человечеству пользу, — справедливые! А справедливые для кого? Для партии, для революции, для народа!

Вбегает Мария.

МАРИЯ: Кто-то поднимается по лестнице! Петр, прячьте бомбы!

Все быстро приводят комнату в порядок, прячут бомбы, расставляют мебель. Вера садится за рояль, играет. Виктор, куря трубку, садится в кресло с газетой в руках. Мария быстро уходит. Звонок — два раза, потом еще один раз.

ПЕТР: Кто-то из наших.

Идет в переднюю. Виктор вынимает из кармана револьвер, осматривает его и прячет опять в карман. Голоса. Потом входит Глеб, в пальто, в шляпе, с чемоданом. За ним — Петр и Мария. Виктор встает им навстречу. Вера тоже идет им навстречу.

ВИКТОР: В чем дело? Кто это?

МАРИЯ: Это — товарищ Глеб, из Женевы. Член ЦК.

ГЛЕБ: Здравствуйте, товарищи. Товарищ Иван тут?

ВИКТОР: Нет.

ГЛЕБ *(оглядывает комнату с интересом)*: Это вы здесь... с бомбами?

ВИКТОР: Да. Здесь.

ГЛЕБ *(качает головой)*: И вы все так спокойны?

ВИКТОР: Спокойны. Привыкли.

ГЛЕБ: И не боитесь?

ВЕРА *(улыбаясь)*: Конечно, боимся, товарищ Глеб!

МАРИЯ *(перебивает)*: Товарищ Глеб, вы, должно быть, с дороги устали? Пойдемте, помойтесь. Я вас на кухне покормлю.

ВИКТОР: Простите, товарищ Глеб, но как вы узнали адрес нашей квартиры? И условный звонок?

ГЛЕБ: Это вы — молодец, что спрашиваете! Я узнал все это от адвоката Берга. Он меня свел с членом вашей группы — Марком.

ВИКТОР: Тогда все в порядке. *(Жмет Глебу руку)* Я — Виктор.

ГЛЕБ: Ааа... Я о вас в Женеве от Ивана слышал. Он вас очень хвалил. *(Озабоченно)* Кстати, где же Иван? Он мне очень нужен.

ВИКТОР: Он может быть здесь каждую минуту.

ГЛЕБ: Я могу его здесь подождать?

ВИКТОР: Если не боитесь, что полиция может нагрянуть, то милости просим! Мы — хозяева радушные *(смеясь)*... и богатые.

ГЛЕБ: Ну, если вы не боитесь, то и я не боюсь!

МАРИЯ: Идемте, идемте, товарищ Глеб, потом успеете поговорить!

Глеб и Мария уходят.

ВЕРА: Какой он симпатичный, этот товарищ Глеб!

ПЕТР *(пренебрежительно)*: Я слышал, что он — единственный в ЦК против террора! Интеллигент-белоручка... постепеновщина.... философия малых дел... и прочее.

Вера подходит к окну, открывает его.

ВЕРА *(внезапно)*: Товарищи, Иван приехал! Смотрите, вон, на углу — расплачивается с извозчиком...

ВИКТОР *(быстро подходит к окну)*: Да, он!

Петр бросается бегом в переднюю.

ВИКТОР: Как я рад, что он приехал! С Иваном я чувствую себя совсем по-другому. Его присутствие всегда вселяет в меня какое-то спокойствие и полную уверенность в нашем деле.

ВЕРА *(радостно)*: Да, и у меня такое же чувство...

Входит Иван, за ним Петр.

ИВАН *(Виктору, не здороваясь)*: Это у вас называется конспирация? Вы что, всех так впускаете без условного звонка?

ПЕТР: Да Вера же вас увидела еще на улице.

ИВАН: А может быть, это был кто-нибудь другой, похожий на меня? Виктор, ты здесь за все ответствен! Я *тебя* назначил!

ВИКТОР: Да честное же слово, Иван, мы вместе с Верой тебя увидели!

ИВАН *(рассерженно)*: Это... это чорт знает, что такое! Полное легкомыслие и безобразие... Никакой осторожности!... Ин-

теллигентщина! Так в терроре не работают!... *(Виктору)* Как у вас обстоит дело?

ВИКТОР: Все в порядке. Маршрут кареты установлен. Снаряды готовы. Пункты для метальщиков выбраны. Сквозь четырех метальщиков он не прорвется...

ВЕРА: Товарищ Иван, здесь вас ждет товарищ Глеб из Женевы.

ИВАН *(пораженно)*: Где здесь?

ВИКТОР: У нас... здесь, в квартире.

ИВАН: Как он сюда попал? Откуда он узнал адрес?

ВИКТОР: Через адвоката Берга, он связал его с Марком.

ВЕРА: Я его сейчас позову *(уходит)*.

Пауза.

ИВАН: Он не сказал, что ему нужно?

ВИКТОР: Он хочет тебя видеть.

Входит Глеб, за ним Вера и Мария.

ГЛЕБ: Здравствуйте, товарищ Иван.

ИВАН *(недовольно и настороженно смотрит на Глеба)*: Здравствуйте.

ВЕРА: Может быть, мы мешаем?

ГЛЕБ: Нет, нет. Это касается всех вас, товарищи.

ИВАН: В чем дело?

ГЛЕБ: Полиция узнала, что готовится покушение на министра. *(Пауза)* Больше того, она знает, что покушение назначено на будущую пятницу...

Молчанье.

ИВАН: Откуда вы это знаете?

ГЛЕБ: ЦК получил письмо...

ИВАН: От кого?

ГЛЕБ: Письмо подписано "Доброжелатель". ЦК постановил, чтоб вы немедленно сняли всех товарищей, ликвидировали квартиру и разъехались...

ПЕТР *(возмущенно)*: Но это же бессмыслица! Мы совершенно готовы, мы можем его убить хоть сейчас! *(Смотрит на часы)* Мы еще успеем сегодня...

МАРИЯ: Ты с ума сошел, Петр! Ты представляешь себе, как он теперь охраняется?...

ВЕРА: Но откуда же полиция могла узнать?

ГЛЕБ: Ясно, что есть провокатор...

ИВАН *(пристально глядя на Глеба)*: У вас есть какие-нибудь подозрения?

ГЛЕБ: Пока нет. Но автор письма обещает сообщать и дальше... А вы сами, товарищ Иван, никого не подозреваете?

ИВАН *(колеблется)*: Ннет... Я не знаю... Честно ли будет с моей стороны сейчас высказывать какие-нибудь подозрения и называть человека... Ведь прямых улик у меня пока нет.

ГЛЕБ: Кто же это?

ИВАН *(после короткой паузы)*: Макаров.

Тяжелое молчанье.

ГЛЕБ: На чем основаны ваши подозрения?

ИВАН: Макаров начал издавать в Одессе журнал. На какие средства? ЦК ему никаких денег не давал. Да к тому же, он ничего о журнале в ЦК не сообщил.

ГЛЕБ: Ну, деньги он мог получить и из частных источников. Но, конечно, все это надо проверить.

ИВАН: А знаете ли вы, что он был в Кременчуге за день до ареста Тихомирова и его группы?

ГЛЕБ: Макаров? В Кременчуге? Я точно помню, что через несколько дней после ареста этой группы он приехал в Женеву и рассказывал, что две недели провалялся с температурой у матери в Варшаве.

Иван делает неопределенный жест, как бы говоря: я этому не верю. Все начинают сразу говорить.

ВЕРА: Какой ужас! Только подумать, что мы жали ему руку!

ВИКТОР: Но Макаров — старый революционер! Как он мог упасть до такой низости?

МАРИЯ: Иуда!

ВИКТОР: Кстати, Мария, — Иуда не был вульгарным предателем: он швырнул эти тридцать серебрянников в лицо судьям, когда они осудили Христа!

В то время, как Виктор говорит, Петр незаметно берет коробку конфет-бомбу, прячет ее под фартук и выходит из комнаты.

ВИКТОР *(продолжает)*: ...Да Иуда и предал-то Христа после того, как Христос сказал: "Пойди и сделай то, что ты должен сделать!" А Макаров со своим журналом? Его нужно раздавить, как подлую гадину!

ИВАН: Не горячись, Виктор! Макаров будет убит. И я убью его сам!

ГЛЕБ *(взволнованно)*: Одну минуту, товарищи, одну минуту! Нельзя же убивать человека, не имея явных улик и фактических доказательств его вины! К тому же — не нам его судить, для этого у нас есть Центральный Комитет.

ИВАН: Что же вы, Глеб, хотите? Ждать, пока он нас всех пошлет на виселицу?

ГЛЕБ: Я вовсе не собираюсь ждать. Но надо приостановить акт и известить ЦК. Я немедленно же еду назад в Женеву. Мы его вызовем туда! *(Смотрит на часы)* Я еще успею к семичасовому поезду, если найду извозчика.

МАРИЯ: Марк у нас за извозчика. Он здесь за углом стоит, на Бассейной.

ГЛЕБ: Вот и прекрасно! Прощайте, товарищи, и ждите мою телеграмму!

Глеб, Вера и Мария уходят. Остаются Виктор и Иван.

ВИКТОР: А может быть, Глеб прав? Макаров, как никак, должен получить возможность оправдаться.

ИВАН: Какие тут к чорту оправдания? Глеб его только спугнет, и он скроется. Иди потом — ищи ветра в поле! Я не могу допустить, чтобы товарищи, за жизнь которых я отвечаю перед ЦК, подвергались смертельной опасности из-за какого-то предателя... *(Решительно встает, берет пальто, надевает его).*

ВИКТОР: Ты куда, Иван?

ИВАН: В Варшаву...

ВИКТОР *(взволнованно)*: Нет... нет, Иван, это невозможно! Ты не можешь... Ты нужен революции больше всех нас... Во имя революции ты не имеешь права рисковать своей жизнью!

ИВАН: Какая ерунда! Но кто-то же должен это сделать?

ВИКТОР: Я убью Макарова! *(Молчанье).*

Слышен взрыв. Иван и Виктор бросаются к окну. Виктор открывает окно. С улицы слышны крики. В комнату вбегают Вера и Мария, тоже бросаются к окну.

ВЕРА: Народ бежит... что-то случилось!... *(Кричит на улицу)* Что случилось?!

ГОЛОС С УЛИЦЫ: Министра убили!

ВИКТОР *(догадываясь, взволнованно)*: Это — Петр! Где Петр?

Все переглядываются. Молчанье.

ИВАН *(резко и испуганно)*: Немедленно бросайте всё и

разъезжайтесь. Полиция может быть здесь каждую минуту!

Вера и Мария быстро уходят.

ИВАН *(берет шляпу)*: У меня важное свиданье в Гельсингфорсе — завтра. Я пробуду там недели две. Виктор, телеграфируй мне туда из Варшавы. Гостиница "Европа"... Если с Макаровым выйдет, телеграфируй: "Партию машин продал". Если нет: "Продажа не состоялась".

ВИКТОР: Хорошо.

ИВАН: Ну, прощай... А после Варшавы приезжай прямо в Берлин и жди меня. Знаешь, как мне дать знать?

ВИКТОР: Знаю.

Иван обнимает его. Они трижды целуются.

ИВАН: Ну, с Богом!

ВИКТОР: Прощай, Иван!

Иван быстро уходит. Слышен звук закрывшейся за ним двери. Вбегает Вера. Она в меховом манто, в меховой шапке.

ВЕРА: Ты еще не готов, Виктор? Скорей же, идем — я знаю место, где мы спокойно можем прожить несколько дней.

ВИКТОР: Сейчас. Мы выйдем вместе...

ВЕРА: Как? Ты не пойдешь со мной?

ВИКТОР: Нет. Мне надо ехать...

ВЕРА: Куда?

ВИКТОР: В Варшаву.

ВЕРА: Ты... ты к Макарову?

ВИКТОР: Нет...

ВЕРА *(взволнованно)*: Виктор, зачем ты туда едешь?...

Виктор надевает пальто, берет перчатки, шапку.

ВИКТОР: Ну, храни тебя Бог!

ВЕРА *(с ужасом)*: Виктор, ты едешь убить Макарова?!

ВИКТОР: Да нет... не волнуйся... Я не собираюсь его убивать... Ну, идем *(шутуясь, разыгрывая фата, делает жест рукой)*. Ladies first!

Вера закутывается в манто, Виктор надевает перчатки, шапку, идут к выходу.

Темнота

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Отдельный номер в русской бане. Двухэтажный ступенчатый полок. Пар. На верхней полке, на животе лежит голый худой человек, стриженный под ежика, с усами. Вокруг бедер

у него повязано полотенце. Это жандармский генерал Козлов, начальник Охранного Отделения. Банщик Лука парит генерала березовым веником.

ГЕНЕРАЛ: Вот так, Лука!... А ну, еще... вот, вот, вот... посильнее... ух... хорошо!

В дверь заглядывает другой банщик.

БАНЩИК: Эй, Лука! Какой-то господин к генералу пришел. Здесь ждет, в раздевальне.

ГЕНЕРАЛ *(поднимая голову)*: Что такое?

БАНЩИК: К вам, ваше превосходительство, господин пришел.

ГЕНЕРАЛ: Какой господин?...

БАНЩИК: Не знаю... толстый... бородатый...

ГЕНЕРАЛ: Пусть войдет. *(Банщик скрывается).*

ГЕНЕРАЛ: Ну, хватит, Лука. Иди... Когда нужно, позову еще.

ЛУКА: Слушаюсь, ваше превосходительство!

ГЕНЕРАЛ: И поддай пару!

ЛУКА: Слушаюсь. *(Уходит).*

Входит Иван, тоже голый, с полотенцем, повязанным вокруг бедер. В руках у него шайка, мыло, мочалка. Он наливает в шайку воду, садится на скамью, начинает намыливать мочалку.

ГЕНЕРАЛ *(мрачно)*: Почему вы так поздно?

ИВАН *(спокойно)*: Пришлось петлять по улицам. Хотел убедиться, что нет хвостов.

Генерал спускается с верхней полки, останавливается перед Иваном.

ГЕНЕРАЛ *(гневно)*: Я жду ваших подробных объяснений! Почему министр был убит? И почему это произошло за восемь дней до условленного с вами срока?

ИВАН *(спокойно)*: Потому что неизвестный мне маньяк бросил бомбу! Я за всякого сумасшедшего не отвечаю. Но я же предупреждал вас, чтобы министр не ездил во дворец этим маршрутом.

ГЕНЕРАЛ *(повышая голос, раздраженно)*: Я вам не верю! Это не первый раз, что вы меня за нос водите! Я этого больше не допущу! Так и знайте! Довольно финтить! Вы думаете, что можете играть двойную игру? Служить и нашим и вашим? Нет! На двойной игре ставьте крест! Не допущу! Получаете чуть ли ни

“министерское” жалованье и обязаны — слышите?! — *обязаны* точно выполнять условия! Если я еще раз поймаю вас на нечистой игре, знайте, что сообщу вашим же товарищам по Центральному Комитету, что глава их Боевой Организации уже десять лет, без малого, работает на нас.

ИВАН *(совершенно спокойно, пожимая плечами)*: Да вы это фактически, кажется, уже и начали делать.

ГЕНЕРАЛ *(удивленно)*: То-есть как?

ИВАН: Кто-то из ваших агентов прислал письмо обо мне в Центральный Комитет еще год тому назад. И только благодаря доверию большинства Центрального Комитета ко мне, этот донос был принят как полицейская интрига, как ваша попытка скомпрометировать меня перед Центральным Комитетом. А всего недели две тому назад опять какой-то “доброжелатель” сообщил в Центральный Комитет, что полиции известен адрес конспиративной квартиры террористов. В письме сообщалось, что провокатор стоит близко к Центральному Комитету. Что же это такое, по-вашему? Может быть, это *ваша* двойная игра? И что вы вдруг так распалились из-за убийства министра? Ведь вы же не протестовали, когда был убит уфимский губернатор? *(Иван похлопывает себя веником по бокам, по животу).* Жертвы были и будут — с обеих сторон! С этим надо считаться. Я не виноват, что убили министра. Чтобы иметь полное доверие ЦК, время от времени должны быть и удачные акты.

ГЕНЕРАЛ: Ну, знаю...

ИВАН: Это ведь и вам дает возможность требовать увеличения кредитов на борьбу с террором. Разве не так? Только за этот год по моим указаниям вы арестовали больше 80-ти террористов, я предупредил пять покушений, сдал вам три динамитных мастерских...

ГЕНЕРАЛ *(прерывая его, раздраженно)*: И в то же самое время террористы убили пять губернаторов, восемь полицмейстеров, трех видных чиновников департамента полиции, и вот теперь... министра внутренних дел!

ИВАН: Но говорю же вам, что министра убил маньяк... Не свят же я дух, чтобы все предупреждать на территории всей России. *(Пауза)* А, кстати, помните, в прошлом месяце я сдал вам Коваля и Лурье?

ГЕНЕРАЛ *(недовольно)*: Ну?

ИВАН: Вы знаете, на кого они готовили покушение?

ГЕНЕРАЛ: Они были убиты при аресте. Не знаю.

ИВАН *(спокойно)*: На вас, генерал...

ГЕНЕРАЛ *(стараясь скрыть волнение)*: Вы в этом уверены?

ИВАН *(похлопывает себя веником по бокам, по животу)*: Вполне. Как в том, что у нас с вами явка вот в этой бане....

Генерал садится рядом с Иваном, поглаживает себя мочалкой. Долгая пауза.

ГЕНЕРАЛ *(прерывая паузу)*: На кого вы теперь ставите? *(Усмехаясь)* Кто, так сказать, у вас из нас на очереди?

ИВАН *(взглядывает на генерала, бросает тихо, словно нехотя)*: Премьер-министр...

ГЕНЕРАЛ *(застывает в ужасе)*: Вы с ума сошли!

ИВАН *(спокойно)*: Я тут не при чем. Постановление Центрального Комитета.

ГЕНЕРАЛ *(бормочет)*: Это же черт знает, что такое!...

ИВАН: Почему вы так взволновались? Ведь если такое покушение будет предотвращено в последнюю минуту начальником Охранного Отделения, т.-е. вами, генерал Козлов, то, я думаю, сам царь не оставит без особой признательности такую вашу работу.

Генерал встает, начинает нервно ходить. Затем внезапно останавливается, в упор смотрит на Ивана.

ГЕНЕРАЛ: На когда это назначено?

ИВАН: Это еще не скоро. Время есть.

Пауза.

ГЕНЕРАЛ: Но я должен быть абсолютно уверен, что в данном случае этот прискорбный факт с убийством министра внутренних дел "каким-то маньяком" не повторится!

ИВАН *(спокойно)*: Разумеется. И это очень просто: динамитную мастерскую я ставлю в Финляндии, а метальщики будут жить в Москве. Вы захватите мастерскую за день-два до того, как бомбы будут пересланы метальщикам в Москву. Вас это устраивает?

ГЕНЕРАЛ *(после краткой паузы)*: Хорошо. Но помните крепко: за этот акт вы отвечаете своей головой!

ИВАН *(раздраженно)*: К чему эти ваши припевы? Что вы меня запугать хотите? Это дело — в наших общих интересах. Вот и все. *(Пауза)* Но на это мне деньги нужны.

ГЕНЕРАЛ *(после паузы)*: Сколько?

ИВАН: Три тысячи.

ГЕНЕРАЛ: На что?

ИВАН: Я же сказал, я ставлю динамитную мастерскую. Это стóит денег.

ГЕНЕРАЛ: Дороговько — три тысячи. Половину, так и быть, дам. А другую берите уж в Центральном Комитете. *(После паузы, улыбаясь)* Кстати, мне передавали, что у вас солидный текущий счет в одном немецком банке? И что на бирже крупно играете...

ИВАН *(недовольно)*: Это никого не касается. Это мое личное дело. *(Саркастически)* Думаю, что у вас банковский счет тоже неплохой! Покрупнее моего, наверное... Мне нужны, повторяю три тысячи. ЦК дает гроши. У них сейчас плохо с деньгами.

ГЕНЕРАЛ *(после раздумья)*: Хорошо. Но это последний раз. Вы чересчур напористы. Я этого не люблю. Только запомните: если будет обман — ответите!

ИВАН *(недовольно морщась)*: Бросьте вы эту чепуху — обман... обман... Я не штучник какой-нибудь, не первый год с вами работаю... И вот еще что...

ГЕНЕРАЛ: Что? Опять деньги?

ИВАН: Да нет. Произведите тщательное обследование вашего персонала в Охранном. Нет ли у вас какого-нибудь предателя, имеющего доступ к секретным документам? Все эти письма в Центральный Комитет очень подозрительны... Кстати, Макаров, убитый террористами, работал на вас?

ГЕНЕРАЛ: Нет, никогда. Откуда вы взяли? Он же был фанатик-революционер. А почему и кто его убил, не знаете?

ИВАН: Не знаю. Склока какая-то наверно вышла. Вы думаете в Центральном Комитете нет таких же интриг, как у вас в департаменте?

ГЕНЕРАЛ: Да, а я вот чуть не забыл: не знаете ли вы, кто такой там у вас товарищ Виктор?

ИВАН *(пристально глядя на генерала)*: Товарищ Виктор? Нннет... не знаю... А откуда у вас эти сведения?

ГЕНЕРАЛ: Один осведомитель сообщил, что молодой юрист, товарищ Виктор, вступил в Боевую и, будто, человек очень опасный.

ИВАН *(грубо)*: Так на кой же черт я вам нужен, если у вас есть какие-то такие осведомители, которые несут вам всякий вздор?

ГЕНЕРАЛ: Да не кирпичитесь вы! Это — рядовой, мелкий осведомитель, потому я у вас и спрашиваю. Стало быть, не знаете? Не встречали?

ИВАН: Ннет... Вижу только, что у вас в Охранном такой бедлам, что я каждую минуту жизнью рискую.

ГЕНЕРАЛ: Не волнуйтесь. И вовсе не бедлам. О вас, например, кроме меня, ни один человек не знает... Знал еще вот покойный министр внутренних дел... царствие ему небесное!...

ИВАН *(взволнованно)*: Я вас очень прошу — будьте с моей информацией крайне конспиративны. Малейшая оплошность — и я получу пулю в лоб!

ГЕНЕРАЛ *(усмехаясь)*: Зря беспокоитесь... Но все мы под Богом ходим...

ИВАН *(встает, грубо)*: Вы можете ходить под Богом, сколько угодно, а я предпочитаю о себе заботиться сам, без Бога! Ну, мне пора. Прощайте!

ГЕНЕРАЛ: Всего хорошего.

Иван идет к двери. Останавливается, оборачивается.

ИВАН: Не забудьте завтра перевести деньги... в Берлин... как всегда.

ГЕНЕРАЛ *(усмехаясь)*: D'accord, как говорят французы.

Когда дверь за Иваном закрывается, генерал становится под душ и окатывает себя водой с головы до ног.

Занавес

АКТ ВТОРОЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Динамитная мастерская в Финляндии. У окна большой, простой стол. На нем — примусы, молотки, напильники, ножницы для резания жести, пипетки, стеклянные трубки, колбы; в флаконах какая-то жидкость. Неподалеку от окна — кресло. В углу, в двух мешках, запасы динамита. В противоположной стороне комнаты — круглый стол, покрытый скатертью. Около него стулья. Над столом — большие стенные часы с маятником. Около стола — дверь в другую комнату. День. В комнате боевики-террористы: Вера, Сергей и Митя, юноша лет 18-ти. Сергей работает у стола, разливает в стеклянные трубки серную кислоту. Вера что-то кипятит на примусе. Митя обрезает ножницами большую консервную

банку — оболочку снаряда. Митя — веселый, жизнерадостный, насвистывает какую-то песенку. Вдруг банка вырывается у Мити из рук и с шумом катится по полу.

СЕРГЕЙ *(шутя, улыбаясь)*: Эй, Митя, осторожно! А то взорвешь нас на воздух !

МИТЯ: Не беспокойтесь, товарищ Сергей! Не взорвемся еще! *(Смеется молодо, заразительно).*

МИТЯ *(подхватив с полу банку)*: А знаете, товарищ Сергей, меня все одна идея мучит!

СЕРГЕЙ *(не отрываясь от работы)*: Что же это за идея такая?

МИТЯ: А идея вот какая: по-моему, надо бы было купить воздушный шар, нагрузить его хорошенько динамитом — пудов эдак в десять, подняться над Зимним дворцом и сбросить все прямо на дворец!

Сергей и Вера смеются.

СЕРГЕЙ: Идея просто гениальная, Митя!

ВЕРА: Митя, скажите откровенно — сколько вам лет?

МИТЯ *(несколько смущенно)*: Около девятнадцати.

СЕРГЕЙ: А "около" сколько лет?

ВЕРА: А "около" наверное год.

МИТЯ *(заливисто смеется)*: Угадали, товарищ Вера! Мне в феврале исполнилось восемнадцать. Но почему вы спрашиваете? Разве в возрасте дело?

СЕРГЕЙ: Конечно, не в возрасте. Только тебе, Митя, по-моему, лучше было бы все-таки в университете учиться, а не здесь, с нами...

МИТЯ *(задумчиво)*: Так уж вышло... Знаете, я с детства очень религиозный был. Все Евангелие читал — да и сейчас читаю... Года полтора по России странником ходил...

СЕРГЕЙ *(иронически)*: Что же, Христа искал?

МИТЯ: Искал. А вы не смейтесь над этим, товарищ Сергей! Это у меня искренне было. В монастырь даже хотел уйти... А вот как брата моего повесили... *(Пауза. Вздыхает, задумавшись; Сергей и Вера, бросив работу, с сочувствием смотрят на Митю).*

МИТЯ: Вы знаете, что мой брат революционер, террорист был?

ВЕРА *(задушевно)*: Конечно знаем, Митя.

МИТЯ: Так вот с тех пор все во мне как перевернулось. И

я решил, что нет больше той любви, как если положить душу свою за други своя. И не жизнь свою, понимаете, а вот именно душу! Ну, вот я и пошел в террор... В память брата товарищ Иван и принял меня... Так и сказал: молод ты, Митя, для Боевой, но так и быть, беру тебя только в память твоего брата...

Условный стук во входную дверь.

ВЕРА: Это товарищ Соня!

Вера открывает дверь. Входит молодая девушка в шубе, в платке, с годовалым ребенком на руках.

СОНЯ: Ну, сегодня холодище — чудовищный! И ветер северный, как ножем режет, прямо закоченеть можно!... Вера, посмотри на Зельму — какая она красотка! А? щечки-то, щечки — прямо как анисовые яблочки!

Вера разглядывает ребенка.

МИТЯ: А как же, товарищ Соня, вы с ней объясняетесь? Ведь она же только по-фински понимает?

СОНЯ: Она, Митенька, ни по-фински, ни по-русски еще не понимает. Зато я знаю язык, который все дети понимают. *(Ребенку)* Агу-агу... агу-агу, Зельма... Видите, видите — улыбается!

МИТЯ *(улыбаясь)*: Верно, верно. Это она вам улыбается!

СЕРГЕЙ: Соня, отнеси-ка ребенка лучше к матери — воздух здесь для младенца неподходящий... да и вообще как-то...

СОНЯ *(как бы извиняясь)*: Да я же ее только показать вам хотела. *(Уходит с ребенком, говорит от двери)*: Я сейчас приду и чай будем пить.

СЕРГЕЙ: Ах, женщины! всегда остаются женщинами. Вот увидела ребенка и забыла обо всем — и о терроре, и о революции...

ВЕРА *(обиженно)*: Это неправда, Сергей! Одно другому вовсе не мешает. Соня — смелый и верный товарищ. Она на любой акт пойдет.

СЕРГЕЙ: Да знаю, знаю — не обижайся, Вера... Я просто, так сказать, о "вечной женственности"...

МИТЯ: А я думаю, если любишь — много, по-настоящему, весь мир любишь, тогда и на убийство легко пойти. Вот на такое, как наше, во имя любви...

Дверь распахивается, вбегает веселая Соня.

СОНЯ *(радостно)*: Дорогие мои! Радость-то какая — товарищ Виктор приехал!

Вера быстро идет к авансцене, останавливается в каком-то душевном волнении, будто хочет уйти, но потом возвращается к рабочему столу, садится у окна в кресло. Входит Виктор в богатой шубе с бобровым воротником, в бобровой шапке.

ВИКТОР *(радостно)*: Здравствуйте, товарищи!

МИТЯ *(бросается к нему, двумя руками жмет его руку)*: Здравствуйте товарищ Виктор! Как мы рады! *(помогает ему снять шубу).*

Подходит Сергей, здоровается с Виктором.

СЕРГЕЙ: Вот неожиданность-то какая! Откуда вы, Виктор?

ВИКТОР: Из Петербурга. Ну, как у вас здесь все?

СЕРГЕЙ: В полном порядке! А у вас?

ВИКТОР *(замечает Веру, быстро идет к ней)*: Вера... здравствуй!

Вера холодно смотрит на него, как бы его не видя.

ВЕРА *(холодно)*: Здравствуй.

ВИКТОР *(удивленно)*: Вера, что с тобой? Что-нибудь случилось?

Вера пожимает плечами.

СЕРГЕЙ: Товарищ Виктор, вы случайно не захватили последнюю нашу прокламацию к крестьянам?

ВИКТОР: Нет... Я не рискую, Сергей, возить в Финляндию нелегальную литературу. *(Удивленно смотрит на Веру, потом Сергею)* Одну минуту, Сергей, мне надо поговорить с Верой.

ВЕРА *(сухо)*: У нас с тобой нет секретов.

СЕРГЕЙ: Митя, пойдем, ты мне нужен *(делает ему знак).*

Митя понимает, и он и Соня быстро уходят вместе с Сергеем.

ВИКТОР: Вера, в чем дело? Объясни. Что ты, говорить со мной не хочешь?

ВЕРА *(после паузы)*: Нет, хочу... но не могу.

ВИКТОР: Я не понимаю твоих загадок. Скажи просто, в чем дело?

Вера не отвечает.

ВИКТОР: Я в чем-нибудь виноват перед тобой? Я мало тебе писал? Но что ж ты думаешь, что я могу забыть тебя? Ты должна же понять, что...

ВЕРА: Тебе не в чем оправдываться, Виктор.

ВИКТОР: Так почему же такая встреча?

ВЕРА: Потому, что с некоторых пор мы просто стали чужие, вот и все!

ВИКТОР (*садится рядом с ней, берет ее руку в свои руки; взволнованно*): Ну, посмотри на меня! Ну, почему же это мы вдруг стали чужими? Что за вздор! Я все тот же... (*С улыбкой*) Может быть, постарел... Но все тот же... твой Виктор...

ВЕРА: Нет. Ты, может быть, и сам не замечаешь, но ты стал совсем другим.

ВИКТОР: И что же, ты это определила сразу, как я вошел?

ВЕРА: О, нет... Я это почувствовала уже давно... с того дня, как узнала, что ты убил Макарова.

ВИКТОР (*после короткого замешательства*): Ничего не понимаю... При чем тут Макаров и наши отношения?

ВЕРА (*высвобождая свою руку из его рук*): Хорошо. Я тебе объясню. Только сначала ответь мне на один вопрос: *почему* ты убил Макарова?

ВИКТОР: Как почему? Потому, что он был провокатор, предатель!

ВЕРА: А откуда ты это узнал?

ВИКТОР: Как откуда? От Глеба!

ВЕРА: Ты говоришь неправду, Виктор! Наоборот, Глеб при мне сказал, что эти подозрения должен сначала расследовать Центральный Комитет!

ВИКТОР: Да, но Иван...

ВЕРА (*перебивает*): И то, что скажет Иван, для тебя закон?

ВИКТОР (*резко*): Да! Если хочешь — закон!

Пауза.

ВЕРА: А ты знаешь, что Макаров *не был* провокатором?

ВИКТОР: Какая чепуха! Откуда ты взяла это?

ВЕРА: Сюда из Женевы приезжал Вербов и передал, что Глеб получил доказательства, что кременчугскую группу выдал Масальский. Макаров никогда никого не предавал... он честный революционер... А ты... ты убил его!

Виктор встает, растерянно делает несколько шагов.

ВИКТОР (*нерешительно*): Я убежден, что Глеб тут ошибается.

ВЕРА: Ты убил не только невинного человека, но еще и... революционера, нашего товарища...

Виктор останавливается перед Верой.

ВИКТОР: Ну, хорошо, Вера! Пусть будет по-твоему. Предположим даже, что я убил невинного человека. Так что же, это делает меня профессиональным убийцей, что ли? А, скажи мне, пожалуйста, вот ты сейчас снаряжаешь эти бомбы, и через несколько дней их будут метать в премьер-министра... и с ним во время взрыва наверняка погибнут и невинные люди. Что же, после этого, ты будешь считать себя их убийцей?

ВЕРА: Во-первых, наши акты ставятся по решению Центрального Комитета партии. Это — политическая борьба, наша борьба...

ВИКТОР: Вера, милая, но надо же понять, что террор это — всегда человекоубийство, во имя чего бы он ни совершался! И мы все должны это принять. В тот момент, когда человек идет в террор, идет на убийство, все моральные критерии, все эти тонкости, естественно, исчезают. Почему бы человек ни убивал — из ревности, из мести, из ненависти или из революционного убеждения — это, Вера, милая, я понял давно, это — все одно и то же!

ВЕРА: Так ты убил Макарова из революционного убеждения?

ВИКТОР: Да. Иван — начальник террора, он считал, что Макаров должен быть убит...

ВЕРА *(перебивает)*: Что же, Иван стал твоей совестью, что ли? С каких же это пор?

ВИКТОР: Иван возглавляет наш террор, он — громадная сила революции! Без него мы не сделали бы и одной десятой того, что делаем. И если мы — революционеры, наша обязанность итти за ним и ему беспрекословно подчиняться. Иначе, пойми, Вера, из террора ничего не выйдет. Мы должны совершенно отказаться от своих, личных решений. Я по себе знаю, как это трудно. Но если ты член Боевой, ты — солдат, ты должен подчиняться... как на войне...

Вера медленно встает, подходит к окну; закрыв лицо руками, прислонившись к притолке окна, глухо рыдает. Виктор бросается к ней.

ВИКТОР: Вера, что с тобой? Ну, прости меня...

ВЕРА *(сквозь рыдания)*: Прости ты меня, Виктор... Я знаю, я неправа... Но за эти годы я тоже изменилась — как и ты. Я уже не отдаю себе ясного отчета, что я делаю... Боже мой, еще немного — и я, кажется, с ума сойду!

ВИКТОР *(обнимает Веру)*: Вера, после этого акта я достану в ЦК деньги — поезжай заграницу! Дай мне слово, что ты поедешь... тебе надо отдохнуть... мы встретимся там...

Стук в дверь. Входят Митя с самоваром, за ним Соня и Сергей со стаканами, блюдцами, сахарницей, хлебом.

СОНЯ *(весело)*: Ну, вот и чай готов! Вера, Виктор, садитесь!

Все садятся вокруг стола. Соня разливает чай. Вера садится рядом с Соней, Виктор — рядом с Митей.

МИТЯ: Вы когда же нас покидаете, товарищ Виктор?

ВИКТОР *(вынув из жилетки часы, взглянув на них)*: Да вот... через полчаса уже надо ехать...

СОНЯ *(восторженно оглядывая всех)*: Милые, как я вас всех люблю! Давайте споем что-нибудь!

МИТЯ: Давайте, Соня.

СОНЯ: Ну, Митя, запевайте вы!

Митя запевает легким тенором "Среди долины ровные, на гладкой высоте..." Все подхватывают: "Стоит, растет высокий дуб в могучей красоте..." Голос Мити: "Высокий дуб, развесистый один у всех в глазах..." Свет на сцене медленно гаснет. Песня замирает.

Темнота

СЦЕНА ВТОРАЯ

Та же динамитная мастерская в Финляндии. Лунный свет из окна. В одном конце сцены на полу, на матраце, спит одетая Соня. В глубине, на узком диване, сидит Вера, закутанная в одеяло. Вера курит. Часы бьют — пять ударов. Вера глядит на часы, тушит папиросу, идет к Соне. Опускается около ее матраца.

ВЕРА: Соня... Соня... вставай!

Соня просыпается.

СОНЯ *(потягиваясь, сквозь сон)*: Который час?

ВЕРА: Пять часов.

СОНЯ *(голосом со сна)*: Вера, знаешь что мне снилось?

ВЕРА: Что?

СОНЯ *(садится на матраце, как ребенок протирает глаза кулаками)*: Будто я дома, в нашей Калужской усадьбе... в неоглядном овсяном поле... и вокруг в овсе — множество цветов...

И я начинаю рвать эти цветы — васильки, маки, кашку... И вдруг оказывается, это все — не цветы, а дети... маленькие, вот такие же, как Зельма! И я хватаю их за руки... и мы начинаем кружиться и петь что-то такое веселое, веселое!... И тут ты меня разбудила...

ВЕРА *(ласково улыбаясь)*: Ты любишь детей, Соня?

СОНЯ: Обожаю! Когда выйду замуж, у меня обязательно будет пятеро... А разве ты не хочешь иметь детей?

ВЕРА: Ннет... Почему ж ты пошла в террор? Тебе бы замуж выйти.

СОНЯ: Пошла потому, что верю, что это нужно для общего счастья, для народа...

ВЕРА: Ты, Соня, твердо в это веришь?

СОНЯ: Ну да! А разве ты не веришь?

ВЕРА *(задумавшись)*: Верила. А теперь вот начала сомневаться.

СОНЯ: Почему? Что ты, Вера?

ВЕРА *(после паузы)*: Ты знаешь, что мне Виктор вчера сказал?

СОНЯ: Что?

ВЕРА: Что убийство — это всегда убийство, во имя чего бы оно ни совершалось!

СОНЯ *(пораженно)*: Это Виктор так сказал?... Не понимаю...

Входит Сергей, находу надевая пиджак, за ним Митя.

СЕРГЕЙ: Вы уже бодрствуете? А я чуть было не проспал! Наши еще не приехали?

ВЕРА: Нет... еще рано...

СЕРГЕЙ: Хорошо бы сейчас чайку горячего выпить!

СОНЯ: А я сейчас пойду поставлю.

Стук в дверь. Соня подходит к двери.

СОНЯ: Кто там?

ГОЛОС ХОЗЯЙКИ: Это я...

СОНЯ *(оборачиваясь ко всем)*: Это — хозяйка... Прикройте лучше стол скатертью, чтобы она не видела.

Митя и Сергей накрывают скатертью стол. Соня отпирает дверь. На пороге — хозяйка с Зельмой на руках. Рядом с ней — жандармский офицер и шесть жандармов. Офицер грубо отталкивает хозяйку.

ОФИЦЕР *(наводя револьвер на Соню)*: Ни с места — застрелю!

Жандармы бросаются на террористов. Митя хватает из-под скатерти бомбу и поднимает ее над головой.

СОНЯ *(указывая на Зельму, вскрикивает)*: Митя!... ребенок!

Митя растерянно смотрит вокруг, медленно опускает бомбу на стол.

ОФИЦЕР *(кричит)*: Наручники на всех! Живо!

Жандарм ударяет Сергея в грудь. Сергей падает. Двое жандармов хватают Митю. Вера бросается к двери в другую комнату.

ОФИЦЕР: Хватай ее!...

Жандарм бросается за Верой, но за кулисами раздается выстрел. Жандарм невольно останавливается, смотрит в распахнутую дверь.

Темнота

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Отдельный кабинет московского ресторана "Яр". Из общего зала доносится цыганское пенье и музыка. В отдельном кабинете окна задернуты тяжелыми занавесями, на стене — громадное зеркало. В нем отражается большая люстра со свечами. На столе в канделябрах тоже горят свечи. На столе — шампанское — две бутылки во льду и бокалы. Лакей убирает тарелки, посуду. Иван курит сигару. Виктор строит на столе пирамиду из рюмок и стаканов.

ИВАН *(смеясь)*: Что это ты за Эйфелеву башню строишь?

ВИКТОР *(смеясь)*: Нет, это — башня моих иллюзий! Видишь, как приятно поблескивает? И какая хрупкая — дунет и — фьюить! — ее нету! А я загадал: если достроюю, значит, осуществится одна моя мечта. А не достроюю...

Лакей случайно задевает стол, и вся башня Виктора падает, несколько рюмок разбиваются на полу.

ИВАН *(лакею)*: Осел!

ЛАКЕЙ: Простите-с... случайно... *(хочет подобрать с полу осколки)*.

ВИКТОР: Ничего... ничего... иди... потом подберешь!

Лакей уходит с посудой.

ВИКТОР: Зря ты его обругал. Он, так сказать, явился только посланником судьбы. *(Смеется)* И башня иллюзий разлетелась к чертовой матери! *(Наливает шампанское, пьет)*.

ИВАН: Все эти "башни" всегда разлетаются...

ВИКТОР: Иногда. Но без иллюзий, Иван, тоже как-то все-таки трудно жить человеку.

ИВАН: Дело вкуса. Я вот, например, иллюзиями не населен.

Пауза.

ВИКТОР: Ты не думаешь, что в последнем деле у нас была провокация?

ИВАН: В каком последнем? В провале динамитной мастерской?

ВИКТОР: Да.

ИВАН *(пожимает плечами, говорит безразлично)*: Может и была. В нашем деле к провокации всегда надо быть готовым. *(Усмехаясь)* Я — человек без иллюзий, Витя. Для меня каждый революционер — потенциальный провокатор.

ВИКТОР *(удивленно)*: Ты шутишь или всерьез?

ИВАН: Совершенно серьезно. Я, Витя, реалист. И так нужно для нашего дела.

ВИКТОР *(усмехаясь)*: Великий реалист...

ИВАН: Ну, до великого-то, думаю, далеко... *(После паузы)* Да, с провалом в Финляндии, конечно, обидно... Теперь все надо сызнова начинать...

Молчанье. Виктор пьет шампанское.

ВИКТОР: Кто же у нас на очереди?

ИВАН: Да тот же премьер-министр. Только теперь надо ставить как-то по-другому... Я вот получил информацию, что у него среди прислуги есть молоденькая горничная... *(Усмехаясь)* Думаю, это может нам пригодиться...

Пауза.

ВИКТОР: А знаешь, Иван... Я слышал, что Макаров никаким провокатором не был.

ИВАН *(недовольно)*: Брось ты об этом вспоминать! Это все давно кончено. Мы должны были его убрать, потому что он был на подозрении. Вот и убрали. Ну, и точка.

Пауза.

ВИКТОР *(задумавшись — видно, что он занят какой-то своей мыслью)*: Скажи, Иван, а ты когда-нибудь сам убивал?

ИВАН: Сам?

ВИКТОР: Да, сам... своими руками...

ИВАН: Нет, не довелось.

ВИКТОР *(задумчиво, после паузы)*: А я убил.

ИВАН *(недовольно морщась)*: Опять ты о своем...

ВИКТОР *(не слушая его, играя пустым бокалом)*: И знаешь, что я почувствовал после убийства? Знаешь?... Как-будто это не я, а кто-то другой в него выстрелил... Уверяю тебя... даже странно... Помню, вышел на улицу... солнце светит... люди идут... слышу птицы поют... А я иду, как в гипнозе, как автомат... А вот ночью... заснуть не мог... Все передо мной этот Макаров в крови... И тогда я запил... целую неделю пьянствовал... как добрался к тебе в Берлин — не помню...

ИВАН: Ну, и прекрасно... забудь об этом... Что ты себя все грызешь? Ты — революционер. И — нормально, что ты нашел в себе силу убить... Миром, Витя, правят сильные...

ВИКТОР *(усмехаясь)*: Сильные?

ИВАН: Да. Это — закон жизни. Ты сам подумай: и в природе и в животном мире, везде сильные подавляют и даже уничтожают слабых. И у нас, в человеческом обществе... Наверху всегда — сильные, а внизу — слабые. Так было при царе Горохе, так будет и при социализме. И ничего тут не переделаешь, потому что это — естественный закон.

ВИКТОР: Ну, а как же тогда с революцией? Ведь это же борьба за свободу, за равенство, за социализм!

ИВАН *(пренебрежительно морщась)*: Равенство, социализм... Это все, конечно, нужно для молодежи, для рабочих... но не для нас же... А с революцией все в порядке. Потенциально мы ведь сильнее всех этих дураков — царских министров и губернаторов! Поэтому мы и сломим их.

ВИКТОР: Ну, а потом, после победы? Что же, мы с тобой, значит, как "сильные" — пожалте наверх?

ИВАН: Разумеется. А ты как думал?

ВИКТОР: А народ, рабочие, именем которых мы боремся?

ИВАН *(пренебрежительно)*: А народ, рабочие и будут рабочими... *(Смеется)* Нужно же кому-нибудь работать?

ВИКТОР *(потрясенно)*: Иван... Но это же полный цинизм...

ИВАН *(почувствовав, что перехватил, хохочет)*: Ну, с тобой и пошутить нельзя! Ладно, довольно этой философии... Давай-ка лучше выпьем за революцию!

Иван наливает шампанское Виктору и себе. Оба чокаются, пьют. Цыганская музыка за стеной все усиливается, приближаясь к кабинету.

ИВАН *(прислушиваясь)*: Здóрово цыгане жарят! Ох, здó-

рово! Позовем-ка их, послушаем! *(Звонит в колокольчик. Входит лакей).*

ИВАН: Пригласи в кабинет цыган. Скажи — хотим послушать.

ЛАКЕЙ: Слушаю-с *(уходит).*

Тут же открывается дверь кабинета, входит цыганка в ярко красном платье, увешанная разноцветными монисто, и с ней два гитариста в ярких рубахах и с гитарами в лентах.

ИВАН *(цыганам)*: Милости просим! Вот хотим вашу цыганскую песню послушать!

ЦЫГАНКА *(с улыбкой)*: Может, сначала угостишь, барин, цыганку и моих гитаристов?

ИВАН *(весело)*: Ну, конечно, конечно! *(Наливает всем шампанское. Поднимая бокал, пьяно, громко)*: За наше и ваше счастье! Хорошо? Согласны?

Все смеются, чокаются, пьют. Гитаристы начинают играть что-то необычайно томительное. Цыганка — возле стола, между Иваном и Виктором, запевает низким контральто. Гитаристы все сильней рвут струны. Песня идет все быстрей, все ускоряется в темпе.

ИВАН *(Виктору)*: Эх, Витя... хороша жизнь! А?

Виктор слушает песню, подперев голову руками, он пьян, вдруг роняет голову на руки и рыдает.

Темнота

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Большая запущенная комната в квартире Глеба, в Париже. Письменный стол завален бумагами. На полках, на полу — книги. Рядом с письменным столом, на маленьком столике горит керосиновый примус. Глеб, в очках, без пиджака, в одной жилетке, опускает в кастрюлю с кипящей водой два яйца, вынимает часы, следит за временем, чтобы не переварить яйца. Стук в дверь. Глеб прячет часы в карман жилетки, берет пиджак со спинки стула, надевает его, кричит.

ГЛЕБ: Войдите!

Входит Серов. Это — бритый, худощавый человек, в темных очках, одет по-барски.

СЕРОВ: Здравствуйте! Я — Серов.

ГЛЕБ *(подозрительно глядя на Серова)*: Здравствуйте. Я

вас ждал в три часа. Сейчас *(смотрит на часы)* без пяти четыре.

СЕРОВ: Ради Бога простите... Я попросту запутался в улицах. Я ведь в Париже первый раз... здесь очень трудно ориентироваться. Извините, пожалуйста.

ГЛЕБ: Садитесь.

Серов садится.

ГЛЕБ: Во-первых, я должен быть абсолютно уверен в том, что вы, действительно, автор этого письма.

Глеб берет со стола письмо, протягивает его Серову.

СЕРОВ *(глядит на письмо, говорит, улыбаясь)*: Ну, уверить вас в этом очень просто. Я напишу вам сейчас то же самое... *(Подходит к столу и пишет).*

СЕРОВ *(протягивает Глебу написанное)*: Вы можете сверить почерк.

ГЛЕБ *(сличая написанное Серовым и письмо)*: Да, хорошо... Все в порядке. Благодарю вас. *(Оба садятся).*

ГЛЕБ: Но прежде, чем мы будем говорить на интересующую нас обоих тему, я должен задать вам один вопрос.

СЕРОВ: Прошу вас.

ГЛЕБ: Я хотел бы, чтобы вы мне объяснили, почему вы сейчас хотите помочь революционному движению, хотя в то же время вы продолжаете служить в Охранном Отделении, у генерала Козлова, то-есть продолжаете быть "охранником". Вы, конечно, сами понимаете, что это факт — довольно необычный.

СЕРОВ *(говорит спокойно, даже с какой-то снисходительной усмешкой)*: Ну, разумеется, вы совершенно правы. Факт этот, я думаю, даже *весьма необычен.* Но я вам этот факт сейчас объясню. Только разрешите обратить ваше внимание, что ваш обед там, кажется, перекипел.

Глеб бросается к примусу и гасит его.

ГЛЕБ: Благодарю вас. *(Садится).*

СЕРОВ: Можно курить?

ГЛЕБ: Пожалуйста.

Серов протягивает Глебу открытый портсигар.

ГЛЕБ: Спасибо, я не курю.

СЕРОВ *(закуривает, затягивается папиросой. На лице его — та же чуть снисходительная улыбка)*: В двух словах, конечно, ответить на ваш сложный — и совершенно правильный

и понятный — вопрос никак невозможно. Но я постараюсь быть краток.

ГЛЕБ *(утвердительно кивает головой)*: Я вас слушаю.

СЕРОВ: Лет шестнадцать тому назад я был арестован в Москве. Я был членом террористической группы молодежи. Террористы мы были, конечно, несерьезные, пустяковые. Но, как никак, при обыске у меня нашли динамит, и этого было достаточно, чтобы я этапным порядком пошел по Владимирке от централа до централа, в Сибирь. Там, в знаменитом Александровском централе я узнал, что нас выдал один член нашей же группы. Человек этот был моим близким другом. Почему он это сделал, я до сих пор не пойму, настроен он был революционно... Для меня это был страшный психологический шок... Когда через несколько лет я попал под амнистию и вернулся из Сибири, я долго жил под надзором полиции. Жизнь у меня была, надо прямо сказать, очень тяжелая. Ничто мне не удавалось, жил я омерзительно. И вот в один прекрасный день — я этот день как сейчас помню — Охранное Отделение предложило мне работать на них. Признаюсь, я был слаб... и я... я согласился... И так я стал, как вы изволили выразиться, "охранником".

Пауза.

ГЛЕБ *(сухо)*: Продолжайте.

СЕРОВ: Сначала мне предложили выдать каких-нибудь революционеров, чтобы заслужить, так сказать, доверие. Признаюсь и в этом. Я это сделал, стараясь, правда, не причинять особого вреда бывшим товарищам. Но годы шли. Я работал. И, наконец, получил должность чиновника особых поручений в Охранном Отделении в Петербурге... *(После краткой паузы)* Вы можете, конечно, мне верить иль не верить — это дело ваше. Но я вам все-таки скажу — и скажу совершенно честно: внутренно, в душе, я мечтал им отомстить за мое падение... Я понимаю, что *вам* — старому революционеру — это трудно понять. Но это так. Должен вам сказать, что по сути своей я — человек довольно решительный и... мстительный. Помните, как у Достоевского начинаются "Записки из подполья": "Нехороший я и злой человек..." Кажется, так?

ГЛЕБ *(отрывисто)*: Не помню. Я Достоевского не люблю.

СЕРОВ: А я, напротив, Достоевского боготворю. Он мне в жизни во многом помог... без него бы я пропал... Так вот, как я сказал... *(с улыбкой)* с тех пор, как я оказался "охранником" в

Петербурге, единственным смыслом моей жизни стало — отомстить... В Охранном я был назначен к генералу Козлову, а генерал этот ведает только борьбой с террористами — это его специальность. Я и решил, что тут наступает мой час...

ГЛЕБ *(перебивая)*: Позвольте, когда вы получили это место в Петербурге?

СЕРОВ: В Охранном? Ровно четыре с половиной года тому назад. И тут вскоре же, примерно через год, я послал свое первое анонимное предупреждение в ваш Центральный Комитет о провокации.

ГЛЕБ *(что-то прикидывая в уме)*: Значит, вы — тот самый "доброжелатель", который прислал в Центральный Комитет длинное письмо, предупреждавшее о провокации в самом центре партии?

СЕРОВ: Да, совершенно верно. Я и есть тот "доброжелатель". В общей сложности я послал в Центральный Комитет писем двадцать. Я, в частности, предупредил, что Охранное знает о готовящемся покушении на министра внутренних дел.

ГЛЕБ: Помню.

СЕРОВ: Но я предупреждал все время Центральный Комитет не о *провокаторе,* а о *провокации,* потому что имени провокатора я не знал. Все сношения с ним вел лично генерал Козлов. И только он один.

ГЛЕБ *(после раздумья, говорит, явно не доверяя Серову)*: Господин Серов, все это так, и все это, как будто, очень интересно... Но я, простите, не понимаю одного, и это мое непонимание — не скрою от вас — не вселяет к вашему рассказу особого доверия.

СЕРОВ *(совершенно спокойно)*: Чего же вы не понимаете? Может быть, я сумею рассеять это непонимание?

ГЛЕБ: Я не понимаю того, что вы, чиновник особых поручений Охранного Отделения, приехали сейчас сюда, в Париж, ко мне — революционеру, члену Центрального Комитета, за которым Охранное ведет слежку и заграницей... Так?

СЕРОВ: Так!

ГЛЕБ: Но разве этот ваш визит ко мне не скомпрометирует вас по вашем возвращении в Петербург? Мне кажется, что это чересчур уж какая-то рискованная "месть"!

СЕРОВ *(спокойно, улыбаясь)*: Но ведь я же здесь у вас, так сказать, с официальной миссией...

ГЛЕБ *(раздраженно)*: Что это значит — "официальная миссия"?

СЕРОВ: Извольте, я объясню. Генерал Козлов послал меня именно к вам — к товарищу Глебу! — чтобы сообщить вам о самом главном провокаторе среди террористов...

ГЛЕБ *(еще более раздраженно)*: Господин Серов, я таких шуток не люблю!

СЕРОВ: В том-то и дело, что это — не шутка. Генерал Козлов прекрасно знает, что именно вы подозреваете одного члена Центрального Комитета в провокации и вот уже больше двух лет ведете о нем кропотливое расследование. Этот человек, которого вы подозреваете, действительно, — главный сотрудник генерала. И для того, чтобы предотвратить его провал, генерал вызвал меня к себе и предложил следующее. Я должен сделать вид, что я будтобы перекинулся к революционерам и, узнав имя главного провокатора, бежал в Париж, чтобы сообщить об этом провокаторе вам и передать вам, то-есть Центральному Комитету, документы, якобы доказывающие предательство этого революционера. Эти документы у меня. Но генерал не знает двух вещей: во-первых, что из Парижа я в Россию уже не вернусь, и, во-вторых, что я захватил с собой из Охранного несколько очень ценных для Центрального Комитета документов... *подлинного* провокатора...

ГЛЕБ: Все это у вас?

СЕРОВ: Разумеется. И я вам все передам. Кстати, я даже в Париже не остановился в том отеле, который мне рекомендовал генерал. У него ведь и во Франции работает своя франко-русская агентура... Вы это, конечно, хорошо знаете... Так вот, как я сказал, генерал поручил мне посетить вас в Париже и сообщить вам о члене вашей партии, который, якобы, провокатор.

ГЛЕБ: Кого же поручил вам назвать генерал?

СЕРОВ: Мне было сказано только имя. Это — товарищ Виктор. Но я подчеркиваю, что это — ложь, это диверсия генерала Козлова, чтобы покрыть своего настоящего сотрудника.

ГЛЕБ *(с усмешкой)*: Хитрó придумано. Признаюсь, одно время я и сам подозревал Виктора, после его побега из-под ареста.

СЕРОВ: Об этом побеге я знаю. Он был специально подстроен полицией, чтобы набросить на этого человека подозрение в глазах революционеров.

ГЛЕБ: Так именно я это и понял.

СЕРОВ: Но позвольте, я сначала передам вам все эти до-

кументы. *(Достает из внутреннего кармана пиджака документы и передает их Глебу).* Вот это — сфабрикованные в Охранном документы. А это — донесения настоящего провокатора. Собственноручные. Я их выкрал из архива генерала. Это и есть моя месть им.

Глеб читает донесения провокатора. Он явно потрясен — он узнал почерк. Старается себя сдержать, и все-таки с большим волнением спрашивает.

ГЛЕБ: А что же вы знаете об этом настоящем провокаторе?

СЕРОВ: Очень мало. Знаю только его кличку, под которой он у нас... *(с замешательством)* в Охранном... работает.

ГЛЕБ: Какая его кличка?

СЕРОВ: "Плантатор".

ГЛЕБ *(тихо повторяет)*: "Плантатор". И это все, что вы о нем знаете?

СЕРОВ: Не совсем. Я его раз видел, правда, мельком, но внешность его запомнил.

ГЛЕБ: Где же вы его видели?

СЕРОВ: На конспиративной квартире генерала Козлова. 14 ноября, когда генерал вызвал меня туда, чтобы изложить свой парижский план, я приехал случайно несколько раньше назначенного часа. И когда входил в квартиру, то в дверях столкнулся с каким-то человеком, который как раз выходил. И он поразил меня своей уродливой внешностью.

ГЛЕБ *(взволнованно):* Опишите его.

СЕРОВ: Он был в темных очках, в низко надетой шляпе, в черном пальто с поднятым воротником. Но я резко запомнил: темная борода, широкое лицо и красные толстые губы. У меня тогда же мелькнуло: это "Плантатор"!

ГЛЕБ *(взволнованно)*: Какого он роста?

СЕРОВ: Рост — средний. Плотный, полный человек.

Глеб быстро подходит к письменному столу, роется в ящике, вынимает групповую фотографию и подает ее Серову.

ГЛЕБ: Вы можете найти его на этой фотографии?

СЕРОВ *(рассматривая фотографию)*: Могу, конечно. Вот он, третий слева. Это несомненно он!

ГЛЕБ *(потрясенный, глухо, как бы про себя)*: ...Значит я все-таки был прав...

СЕРОВ: Кто он такой?

ГЛЕБ: Кто?... Это — начальник Боевой Организации!...

Занавес

АКТ ТРЕТИЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Та же комната в парижской квартире Глеба, приготовленная для партийного заседания. Большой стол — поперек сцены, справа и слева стулья. В стороне — небольшой стол, за которым сидит Глеб, погруженный в чтение каких-то документов. Из открытого окна слабо долетает парижская уличная песенка под аккомпанимент гармонии. Входит Виктор. Он в пальто, в шляпе, правая рука в кармане. Молча смотрит на Глеба. Оторвавшись от чтения документов, Глеб глядит на него, как бы не узнавая.

ГЛЕБ: А, Виктор! Вы немного рано пришли. Заседание начнется только в семь.

Виктор молча глядит на Глеба.

ГЛЕБ *(улыбаясь)*: Да выньте вы руку из кармана, всегда же успеете меня застрелить! Вы же убить меня пришли?

ВИКТОР *(глухо)*: Да, убить.

ГЛЕБ: Ну вот, видите! Я этого давно жду. Вы что, от Ивана пришли? *(Пауза)*. Значит, он все-таки приехал? Ну, этому я рад!

ВИКТОР: Вы рады? Вы рады погубить большого революционера, который десять лет ежедневно рисковал петлей? Почему? Чему вы рады?

ГЛЕБ: Потому, что я убежден, что Иван провокатор!

Пауза.

ГЛЕБ: Почему вы убили Макарова?

Виктор молчит.

ГЛЕБ: Потому что вас послал Иван? А он вас послал потому, что у Макарова были доказательства о провокаторстве Ивана! Убив Макарова, вы эти доказательства уничтожили!

Виктор молчит.

ГЛЕБ: Жаль Макарова, честный был человек... И вас мне жаль. *(Пауза)* По-вашему, тот, кто обвиняет Ивана, должен быть убит без суда и следствия?

Виктор молчит.

ГЛЕБ *(с улыбкой)*: Ну, мне то вы уж разрешите сегодня передать в ЦК все мои доказательства, а потом уж действуйте, как хотите...

Виктор, молча, садится на стул.

ГЛЕБ: Кстати, скажите, Виктор, вас самого не удивила та легкость, с какой вы бежали из-под ареста, когда вас на извозчике перевозили из тюрьмы в тюрьму? Или вы считаете нормальным, что арестованного террориста везут в тюрьму на извозчике в сопровождении одного — *одного единственного!* — жандарма? И по дороге этот жандарм *три раза* уходит куда-то по своим делам, оставляя арестованного?

ВИКТОР: Иван мне рассказал, как он подкупил этого жандарма!

ГЛЕБ: Ах, Боже мой, как это просто! Но неужто же вы так наивны, чтобы этому верить? Ведь этот жандарм на самом деле просто исполнял приказ начальника Охранного Отделения!

ВИКТОР: Что ж, может быть, тогда вы и меня подозреваете в связи с охранкой?

ГЛЕБ: Признаюсь, одно время тоже подозревал. Но быстро убедился, что вы только игрушка в руках Ивана, только игрушка, Виктор!

ВИКТОР: Так для чего же, по-вашему, меня освободили?

ГЛЕБ: А об этом вы услышите сегодня на заседании.

ВИКТОР *(как бы отмахиваясь от Глеба)*: Послушайте, Глеб, это какой-то бред! Это какой-то кошмар...

ГЛЕБ *(спокойно)*: Кошмар — да, но не бред. Вы нужны Ивану, как его ширма у революционеров. Вот зачем вы ему нужны! Он знает, что вы верите в него, как в Бога!

ВИКТОР *(кричит, в крайнем возбуждении)*: Нет! Нет! Не верю ни одному вашему слову! Не хочу верить! Это ваш бред, бред! Не я игрушка в руках Ивана, а вы игрушка в руках Охранного!

ГЛЕБ *(спокойно)*: Вы правы в одном, Виктор: вы *не хотите* верить — вот и все! Но сегодня на заседании ЦК и вы увидите с кем вы людей убивали.

Шум за кулисами. Входят человек 12 членов ЦК и боевиков. В центре Мария везет в медицинском кресле Евгения, рядом с ней Нил, пожилая женщина и старик с седой бородой. Боевики спускаются в зрительный зал, в первый ряд партера.

ЕВГЕНИЙ: Здравствуй, Глеб! Здравствуйте, Виктор!

ГЛЕБ: Здравствуй, Евгений, ты знаешь, что Иван приехал?

ЕВГЕНИЙ: Да, да, я его видел, он придет на заседание.

НИЛ: Ну, берегись, Глеб... Иван рвет и мечет...

Шум общего разговора. Президиум размещается за столом: Евгений, пожилая женщина и старик с седой бородой садятся в центре — это президиум. Мария на углу стола занимает место секретаря, вынимает бумагу, карандаши, чтоб вести протокол. Нил и Виктор садятся с левой стороны сцены на стульях. Глеб занимает место за своим небольшим столом.

ЕВГЕНИЙ *(стучит карандашом, обращаясь к публике)*: Товарищи, мы здóрово запоздали, это я виноват, простите... Давайте перейдем к делу...

ГЛЕБ *(Евгению)*: А разве мы не будем ждать Ивана?

ЕВГЕНИЙ: Нет. Ведь обвинение против тебя, а не против него. Иван сказал, что запоздает и просил его не дожидаться.

Глеб согласно кивает головой.

ЕВГЕНИЙ: Итак, разрешите считать заседание членов ЦК и представителей Боевой Организации открытым. Как вы знаете, предметом нашего заседания является обвинение товарища Глеба в распространении клеветнических сведений о члене ЦК товарище Иване. Это обвинение представлено в ЦК за подписями члена ЦК товарища Нила и члена Боевой Организации товарища Виктора.

Наступает тишина.

ЕВГЕНИЙ *(посоветовавшись с членами президиума)*: Товарищи, но прежде чем мы приступим к разбирательству, я хотел бы задать Глебу предварительный вопрос. *(Пауза. Говорит, обращаясь к Глебу)*. Глеб, даешь ли ты честное слово революционера прекратить всякую клеветническую кампанию против товарища Ивана, если это заседание ЦК и боевиков признает твои обвинения лишенными основания и тем самым выявит клевету?

ГЛЕБ *(встает, снимает очки)*: Если это заседание признáет мои обвинения недоказанными, а я останусь при прежнем убеждении, что Иван предатель, я буду продолжать с ним борьбу. *(Садится)*.

Члены президиума переговариваются.

ЕВГЕНИЙ: В этом случае партия будет считать себя вправе принять в отношении тебя любые меры. *(К Марии)* Занеси все сказанное в протокол...

ВИКТОР *(быстро встает с места)*: Товарищ Евгений, разрешите и мне задать вопрос товарищу Глебу.

ЕВГЕНИЙ: Пожалуйста, Виктор.

ВИКТОР *(Глебу)*: Товарищ Глеб, предположим на минуту самое невероятное, что вы в своем обвинении Ивана правы. Так что же в таком случае, по-вашему, могло привести такого большого человека и революционера, как Иван, к этому страшному преступлению? *(С насмешкой)*. Его тайная преданность престолу? Или, быть может, это какой-то инфернальный садизм? *(Смеется)*.

ГЛЕБ *(встает, говорит спокойно)*: Я думаю, конечно, ни то и ни другое. Причина предательства гораздо проще, это: — деньги!

ВИКТОР *(в предельном негодовании бросается к Глебу, выхватывая из кармана револьвер)*: Это подлость!...

Всеобщее возбужденье. Все вскакивают с мест. Нил хватает Виктора за руку и ведет назад к стулу.

НИЛ: Вы с ума сошли..

ЕВГЕНИЙ *(крайне раздраженно)*: Товарищ Виктор! Как председатель заседания предупреждаю вас, если вы будете вести себя в подобном недопустимом стиле, я не только лишу вас слова, но и удалю из заседания!

ВИКТОР *(подавленный)*: Прошу извинения у всех товарищей...

ЕВГЕНИЙ: Слово предоставляется товарищу Нилу.

НИЛ *(встает)*: Товарищи, я вообще был против какого-то бы ни было разбирательства... Но сегодня, из-за непримиримой позиции товарища Глеба, разбирательство началось. И я буду говорить об Иване, как революционере и террористе. *(Пауза)*. Разрешите же мне, товарищи, сделать сначала просто сухой перечень главных дел, проведенных Иваном, которые подняли нашу партию на небывалую высоту и приблизили наступление революции. Вы знаете, что Иван был не только инициатором, но и организатором массовой террористической борьбы. Но в то же время он вел и общепартийную работу: он поставил в России 23 нелегальных типографии. Он открыл все границы — от Кенигсберга до Ясс — для переброски из-заграницы нашей нелегальной литературы. Как начальник террора он поставил в России 18 динамитных мастерских, он убил министра внутренних дел, он убил московского генерал-губернатора, он ставил покушение

на начальника Охранного Отделения в Петербурге и на заведующего политическим розыском в Киеве, он убил уфимского и курского губернаторов, он покушался на премьер-министра и, наконец, совсем недавно он готовил удар самодержавию в самый "центр центров" — он готовил акт цареубийства...

Дверь открывается, входит Иван. Общее движение. Кое-кто из боевиков ему аплодируют. Евгений знáком останавливает их. Члены ЦК и боевики приветствуют Ивана жестами. Иван ответно кланяется с улыбкой. Виктор кивает ему. Иван садится рядом с Виктором, что-то шепчет ему и кладет ему руку на плечо.

НИЛ *(продолжает)*: Я не могу привести здесь полный перечень всех славных дел, проведенных товарищем Иваном. Да о них хорошо знают и Центральный Комитет и боевики. Но я думаю, что и этого достаточно, чтобы видеть какая низкая и ужасная клевета возводится на большого, быть может, на великого революционера, приведшего партию к революционной славе и к большому влиянию на судьбу всей страны. *(Нил поворачивается к Глебу)*. И вот вместо необоснованных обвинений, пятнающих имя великого революционера и вносящих страшную дезорганизацию в партию, вместо всех нелепых обвинений я призываю тебя, Глеб, ответить на такой вопрос: есть ли в истории русского революционного движения, да и в революционном движении всех стран, более блестящее имя революционера, чем имя товарища Ивана?!

Общее сочувственное движение, члены президиума переговариваются.

ЕВГЕНИЙ: Ты хочешь ответить, Глеб?

ГЛЕБ: Да, хочу. *(Встает, снимает очки, говорит с усмешкой)* Товарищ Нил, это не мое дело определять здесь величие того или другого революционера. Но чем революционер больше — тем страшнее и его предательство. Я же убежден, что Иван — тайный агент полиции. *(Садится)*.

Общее возмущение, некоторые вскакивают с мест, из публики возбужденный говор. Виктор резко встает, кричит.

ВИКТОР: Я прошу слова.

ЕВГЕНИЙ *(стучит по столу, кричит)*: Призываю всех к спокойствию! Слово товарища Виктора!

ВИКТОР *(стоит крайне взволнованный, после паузы начинает медленно)*: Товарищи, я друг Ивана и может быть моя

дружба с ним крепче отношений всех остальных товарищей потому, что эта дружба спаяна кровью. *(Пауза).* Ни день и ни год я вел террористическую борьбу вместе с Иваном. Четыре года мы шли сквозь кровь, убивая врагов революции, и теряя на этом пути любимых и близких товарищей. И вот моему лучшему другу, бесстрашному террористу, гениальному организатору, начальнику Боевой, брошено позорное и грязное обвинение в предательстве. Я рассматриваю это обвинение Ивана, как обвинение всех нас, боевиков. Потому что, если Иван предатель, то и мы все предатели!... *(Садится).*

Общие аплодисменты.

ИВАН *(с места, подняв руку)*: Прошу слова!

ЕВГЕНИЙ: Пожалуйста, Иван!

ИВАН: Товарищи, пятнадцать лет я состою в партии, десять лет я — начальник террора. Я считаю ниже моего достоинства, чтоб я опровергал какие-то обвинения, выставленные Глебом. Это — дело этого заседания. Но, как старый член партии, я считаю своим долгом высказать и мои собственные соображения о провокаторе, который, по мнению нашего партийного Шерлока Холмса, будто бы находится среди нас. По-моему, существование подобного провокатора — чистейший миф! Конечно, провокаторы есть и будут, но это всегда мелочь, затесавшаяся в нашу партию. Но вот теперь Глеб изобрел какого-то "центрального" провокатора. Он назвал меня. Откуда же, спрашивается, родилась у него такая гениальная идея? Очень просто, товарищи! Эта идея была придумана тайной полицией и подброшена Глебу. После последнего нашего покушения, после попытки цареубийства, Охранное явно решило нанести смертельный удар нашему террору. И лучший способ добиться этого — это разложить нашу Боевую Организацию и партию изнутри. Вот здесь Глеб и попался на удочку Охранного. Только тайная полиция могла его снабдить фальшивыми, сфабрикованными "доказательствами" против меня. *(Пауза).* И вот — сознательно или бессознательно (этого я уж не знаю) — Глеб выполняет, по-моему, задание Охранного Отделения.

Общее сочувственное движение. Один только Глеб сидит совершенно спокойно.

ИВАН *(продолжает)*: Товарищи, скажу откровенно, я пересилил себя, чтобы притти на это разбирательство. Но я пришел потому, что дело ведь тут не только во мне, а во всей партии.

Поэтому я и пришел. Я не знаю, как поступите вы, но я бы раз навсегда положил конец этой грязной кампании и вернул бы Глебу все его, так называемые, "обвинения", сказав: если хочешь купаться в грязи — купайся сам, но оставь нас продолжать наш террор и борьбу за свободу России! *(Садится, отирая платком лицо).*

Общие дружные аплодисменты всех кроме Глеба.

ЕВГЕНИЙ: Товарищи! Я вполне сочувствую выступлениям товарищей Нила, Виктора и Ивана, но мы все-таки обязаны выслушать и товарища Глеба. Предоставляю ему слово.

Глеб встает, раскладывает перед собой какие-то бумаги, снимает очки, начинает говорить.

ГЛЕБ: Товарищи! Всем вам известно мое отношение к политике террора. Я всегда считал и считаю, что террор это мера вредная. Потому что террор сам собой превращается в какое-то профессиональное убийство, прикрытое революционным лозунгом. Моральные устои у людей, участвующих в терроре, часто подтачиваются, их человеческие чувства притупляются и террористы...

ЕВГЕНИЙ *(раздраженно стучит карандашом по столу и недовольно перебивает)*: Товарищ Глеб! Мы собрались здесь вовсе не для того, чтобы выслушивать твое мнение о терроре. Товарищи тебя обвиняют в распространении клеветы об Иване. Хочешь ты сказать что-нибудь в свое оправдание?

ГЛЕБ: Прошу прощения, товарищ Евгений. Я буду говорить короче... *(Пауза).* Товарищи, я убежден, что провокация, это главное оружие полицейского строя в России в борьбе с революционным движением. И вот уже давно, года два тому назад, я убедился, что в рядах нашей партии есть провокатор, близко стоящий к Центральному Комитету. В течение этих лет я посвятил все мои силы тому, чтобы раскрыть этого провокатора. Но из-за многих причин, часто чисто психологических, дело это было чрезвычайно трудное. И тем не менее теперь я могу сказать, что этот провокатор мной обнаружен... *(Пауза).* Я не буду рассказывать, сколько мне пришлось положить труда, чтобы систематизировать все относящееся к этому провокатору. Но под конец — сейчас — случай помог мне *окончательно и документально установить,* что этим провокатором, отправившим на виселицу сотни революционеров, — является начальник Боевой Организации товарищ Иван.

Шум в заседании, резкие выкрики с мест.

НИЛ *(возмущенно кричит)*: Ты сам тогда — провокатор!

ГЛЕБ *(спокойно)*: Товарищ председатель, разрешите мне задать несколько вопросов Ивану.

Члены президиума совещаются, смотрят на Ивана, который сидит рядом с Виктором совершенно спокойно.

ЕВГЕНИЙ: Ты можешь задать вопросы, Глеб.

ГЛЕБ. Благодарю. *(К Ивану)* Товарищ Иван! Известна ли вам фамилия Гофмана? Курта Гофмана?

ИВАН: Понятия не имею. Кто это такой?

ГЛЕБ: Курт Гофман — биржевой маклер, через которого вы оперируете на бирже.

Пауза.

ИВАН: Какой абсурд! Я никогда в жизни не играл на бирже! Центральный Комитет хорошо знает мой бюджет.

ГЛЕБ *(показывая какую-то бумагу)*: Это письмо маклера Курта Гофмана, подтверждающее ваши трансакции на бирже.

ИВАН *(усмехаясь)*: Вы, видимо, спутали меня с каким-то миллионером!

ГЛЕБ *(берет еще один документ)*: На вашем текущем счету в Вюртембергском банке, в Германии, лежит сейчас двести тридцать семь тысяч четыреста пятнадцать марок и два пфенига!

ИВАН *(возмущенно и как бы со смехом)*: Какая фантастика!... Какая чушь!... *(Евгению)* Товарищ Евгений, неужели я должен выслушивать все эти бредни сумасшедшего?!

ЕВГЕНИЙ *(несколько смущенно)*: Ты вправе отказываться отвечать, Иван.

Пауза.

ГЛЕБ: Скажите, Иван, где вы были 14 ноября?

ИВАН: То-есть, как это — где я был?

ГЛЕБ: Да вот именно: — *где* вы были? В Германии, в России, во Франции? Где именно?

ИВАН: 14 ноября? *(как бы припоминая)*... 14 ноября я был в Берлине.

ГЛЕБ: В каком отеле вы останавливались?

ИВАН *(небрежно)*: Как всегда — в Фюрстенхоф.

ГЛЕБ *(показывая какую-то бумажку)*: По сведениям из отеля Фюрстенхоф, 14 ноября — и вообще в течение всего ноября — вы не останавливались в этом отеле.

Пауза.

ИВАН: Одну секунду. Да, верно... я ошибся — я тогда жил на частной квартире.

ГЛЕБ: Где именно?

ИВАН *(грубо)*: А какое вам дело, где?

ГЛЕБ: По моим сведениям, вы вообще не были в Берлине в ноябре.

ИВАН: Я был! И я вам скажу, где... у одной дамы... я не могу назвать ее фамилию, я не хочу ее компрометировать... Она живет на Кантштрассе в доме № 22.

ГЛЕБ: На Кантштрассе в доме № 22 живет ваша любовница, бывшая содержательница публичного дома в Петербурге. Она показала, что вы не были в Берлине 14 ноября.

Пауза. Все удивленно смотрят на Ивана. Он явно растерян, но старается этого не показать.

ГЛЕБ: Иван, 14 ноября вы не были в Берлине. Ни 14-го, ни 15-го, ни в течение всего месяца. 14 ноября вы были в Петербурге!

ИВАН: Ничего подобного! Я был в Берлине! Это — ложь ваших осведомителей!

ЕВГЕНИЙ *(Глебу)*: На чем основано твое утверждение, что Иван был 14 ноября в Петербурге?

ГЛЕБ *(спокойно)*: У меня есть свидетель. Товарищ Семен *(обращается к одному из боевиков)*, повторите, пожалуйста, то, что вы мне говорили.

СЕМЕН *(встает из первого ряда)*: Действительно, я говорил товарищу Глебу, что 14 ноября вечером я видел на Варшавском вокзале, как товарищ Иван входил в вагон 1-го класса. Я ехал с этим же поездом, поэтому и день — 14 ноября — помню точно. Но я ехал во 2-м классе.

ЕВГЕНИЙ: Вы уверены, что это был действительно товарищ Иван? Вы не могли ошибиться?

СЕМЕН: Нет, никак не мог. *(Улыбаясь)* Слава Богу, знаю товарища Ивана восьмой год. *(Садится).*

Общее тяжелое молчание.

ИВАН: Какая ерунда! 14-го я был в Берлине и могу представить свидетелей!

ГЛЕБ: А я вам больше скажу, Иван! 14 ноября в 3 часа дня вы были в Петербурге на конспиративной квартире начальника Охранного Отделения! Вы работаете в Охранном под кличкой "Плантатор"!

Все поражены. Члены президиума переглядываются, переговариваются.

ИВАН *(злобно)*: Вас надо отправить немедленно в сумасшедший дом!

ЕВГЕНИЙ *(потрясенный)*: Глеб, ты понимаешь, что ты говоришь?

ГЛЕБ *(спокойно)*: Прекрасно понимаю. И у меня есть свидетель, который может это подтвердить. Он передал мне для Центрального Комитета собственноручные донесения провокатора — "Плантатора", а кроме того сфабрикованные Охранным фальшивки, что якобы провокатор в нашей партии не "Плантатор", а... *(Глеб делает паузу, глядя на Виктора)* товарищ Виктор. *(Виктор потрясен, странно смотрит то на Глеба, то на Ивана)*... Но свидетель предупреждает, что документы о Викторе фальшивые и сфабрикованы только для того, чтобы отвести подозрения от "Плантатора". А "Плантатор" это — Иван!... И вот я передаю все эти документы председателю Центрального Комитета. *(Глеб подходит к Евгению, передает ему документы, идет на свое место, садится. Берёт очки, протирает их носовым платком).*

Евгений берет документы, рассматривает их вместе с другими членами президиума. В комнате страшная тишина. Наконец Евгений, оторвавшись от документов, говорит взволнованно:

ЕВГЕНИЙ: Кто твой свидетель, Глеб? Назови его!

ГЛЕБ *(встает)*: Сейчас, я его вызову.

Глеб быстро уходит в соседнюю комнату. Общее напряженное молчание. Глеб входит вместе с Серовым. Они останавливаются у стола Глеба. Серов пристально разглядывает Ивана.

ГЛЕБ *(обращаясь к Евгению, указывая на Серова)*: Это — господин Серов. Он может подтвердить, что 14 ноября видел Ивана на конспиративной квартире генерала Козлова.

ЕВГЕНИЙ *(к Серову)*: Господин Серов, кто вы? И почему вы сами были на конспиративной квартире генерала Козлова?

СЕРОВ: До недавнего времени я был чиновником особых поручений при генерале Козлове. Три года я предупреждал вашу партию о провокации письмами за подписью "Доброжелатель". Сейчас я порвал с Охранным навсегда и передал вашему товарищу Глебу — для Центрального Комитета подлинники донесе-

ний “Плантатора” и фальшивку Охранного о неизвестном мне “товарище Викторе”.

ЕВГЕНИЙ: Вы утверждаете, что 14 ноября вы видели товарища Ивана на конспиративной квартире генерала Козлова?

СЕРОВ: Я не знаю никакого “товарища Ивана” я знаю “Плантатора”, “подметку”....

ЕВГЕНИЙ *(перебивает)*: Что это значит “подметка”?

СЕРОВ *(с улыбкой)*: На розыскном языке “подметка”, это — секретный сотрудник. 14 ноября на конспиративной квартире генерала Козлова я видел секретного сотрудника — “Плантатора”.

ЕВГЕНИЙ: Вы его можете опознать?

СЕРОВ: Конечно, могу. *(Поворачивается к Ивану и указывает на него)...* Вот он!

ИВАН *(при этих словах Серова взрывается, вскакивает, кричит)*: Ну, это уж слишком! Я не желаю больше присутствовать при всей этой гнусной провокации! *(Быстро идет к выходу. Но Виктор бросается и хватает его за руку).*

ВИКТОР: Иван! Ты не можешь сейчас уйти!

Нил и другие цекисты преграждают Ивану путь.

ЕВГЕНИЙ: Товарищ Иван, я считаю, что сейчас покинуть заседание не в твоих интересах. Я прошу тебя остаться.

Иван возвращается на место, лицо его злобно, искажено.

ЕВГЕНИЙ *(Серову, держа в руках пачку писем “Плантатора”)*: Вы действительно передали товарищу Глебу эти донесения “Плантатора”?

СЕРОВ: Да, передал.

ЕВГЕНИЙ: Можете сказать, откуда вы их получили и при каких обстоятельствах?

СЕРОВ: Конечно, могу. Эти письма я выкрал из архива генерала Козлова. А при каких обстоятельствах? 14 ноября на конспиративной квартире генерал дал мне поручение — немедленно ехать в Париж...

ЕВГЕНИЙ *(перебивает)*: Зачем?

СЕРОВ: Затем, чтобы фальшивыми документами о “товарище Викторе” спасти главного осведомителя генерала от разоблачения.

ЕВГЕНИЙ: Понимаю... *(После паузы)* Что ж вы, передав

нам эти документы, переходите в лагерь революции?

СЕРОВ *(с усмешкой)*: В лагерь революции?... Нет... мне переходить уже поздно... Я просто порвал с Охранным и никогда не вернусь в Россию...

Евгений переговаривается с членами президиума. В комнате молчание.

ЕВГЕНИЙ: Товарищи, есть у кого-нибудь вопросы к господину Серову?

Молчание. Общая подавленность.

ЕВГЕНИЙ: Господин Серов, больше вопросов к вам нет. Вы свободны. Благодарю вас.

Серов полукланяется, уходит. Все взгляды устремлены на Ивана. Он остается неподвижен, с той же злобной усмешкой.

ЕВГЕНИЙ *(взволнованно)*: Иван, ты можешь опровергнуть показания Серова. Я предоставляю тебе слово.

ИВАН *(медленно поднимается, говорит глухо)*: Нет... Мне не в чем оправдываться... С тайной полицией в составлении фальшивых документов я конкурировать не могу... А вы, оказывается — хороши товарищи! — больше верите полицейским чиновникам, чем мне... *(Пауза)*. Ну, что ж Охранное добилось своей цели — нанесло смертельный удар нашей партии. Я — член ЦК и начальник Боевой оказываюсь... провокатором... *(Усмехается. Пауза. Вдруг — с нарастающим волнением)* Товарищи!... десять лет страшной, ответственной работы в терроре... десять лет я ходил под угрозой виселицы... И вот в один день все это послано к черту... какой-то подлой полицейской интригой... Товарищи, поймите *(с дрожью в голосе)*, ведь это же ужасно!... Что же выставляется против меня? Подложные документы, мания Глеба, видящего повсюду провокаторов и показания охранника... И это все... В отплату за то, что я сделал для партии и революции за пятнадцать лет... *(Пауза. С еще большим волнением)* Евгений, Нил, мы жили душа в душу десяток лет, вы меня знаете так же хорошо, как я вас... Как же вы можете допустить все эти гнусные подозрения, все это разбирательство?... *(Почти со слезами в голосе)* Господи, что же это такое?!... У меня даже сейчас нет сил разбираться во всей этой грязи... *(Пауза)*... Но знайте заранее, товарищи, если вы мне не дадите время, чтоб я мог полностью опровергнуть все эти полицейские интриги, и только на основании того, что я здесь слышал и видел, вынесите мне обвинительный приговор, — я, ста-

рый террорист, верный член партии в течение 15 лет, я жить уже больше не смогу... *(Почти с плачем)*... Мне будет не для чего жить и я лучше пущу себе пулю в лоб... *(Садится, отирая платком пот с лица).*

ВИКТОР *(Ивану)*: Это все, что ты можешь сказать?

Иван не отвечает ему и не смотрит на него. Члены президиума тихо совещаются.

ЕВГЕНИЙ: Иван! Президиум признает обоснованными обвинения, выставленные Глебом. Но мы даем тебе 24 часа для их опровержения. При чем ЦК запрещает тебе до окончательного нашего решения выезжать из Парижа. Если на следующем заседании ты не убедишь нас в твоей невиновности, Центральный Комитет будет вынужден признать доказательства товарища Глеба правильными и принять соответствующие меры. Завтра в семь часов тебе будет предоставлено слово для опровержения выдвинутых против тебя обвинений.

В мертвой тишине, не глядя ни на кого, Иван встает и быстро уходит. Как только он вышел, поднимается невероятный шум. Все вскочили с мест, крики. Особенно возбуждены молодые боевики.

ПЕРВЫЙ БОЕВИК: Его надо убить, как гадину, здесь же, на месте! А вы его отпускаете!

ВТОРОЙ БОЕВИК: Он послал на виселицу сотни товарищей!

НИЛ: Но он должен же получить возможность оправдаться!?

ТРЕТИЙ БОЕВИК: Да он же уличен одними своими письмами!

Виктор до крайности возбужденный, берет шляпу и быстро идет к выходной двери.

ГЛЕБ: Виктор, куда?!... Остановите его... Он хочет убить Ивана!...

Нил и другие преграждают Виктору путь.

ГЛЕБ *(возмущенно, Виктору)*: Вы не имеете права! Только ЦК может вынести приговор! И завтра он его вынесет!

ВИКТОР *(глухо)*: Но он же уйдет! *(Потрясенный садится на свое место).*

ЕВГЕНИЙ *(стучит по столу, кричит почти умоляюще)*: Товарищи! Вниманье! Вниманье!

Крики понемногу стихают.

ЕВГЕНИЙ: Президиум считает, что за отелем Ивана на 24

часа надо установить наблюдение. Предлагаю товарищей Николая и Михаила. Согласны?

ГОЛОСА: Согласны... Согласны...

Николай и Михаил встают из публики, идут.

НИКОЛАЙ *(Евгению, находу)*: А где он живет?

ЕВГЕНИЙ: Да тут, недалеко, отель "Кок д'Ор".

МИХАИЛ: Я знаю, пойдем...

Оба уходят. В комнате продолжаются те же возбужденные споры и крики.

ГОЛОСА: При таких уликах убивают! Сколько товарищей погибло! *(Мария рыдает)*. Но разве на основании... Макарова убили без оснований!..

ЕВГЕНИЙ: Товарищи! Призываю к порядку! Заседание продолжается! Слово товарища Нила! Прошу занять места! Нил — твое слово...

Тишина восстанавливается с трудом. Нил стоит взволнованный, ждет общего успокоения, чтоб начать говорить.

НИЛ: Товарищи, мы присутствуем при страшной трагедии нашей партии. После этих писем Ивана *(трясет ими в воздухе)* у нас не может быть никаких сомнений в том, что долголетний начальник нашей Боевой, руководитель террора, Иван был в то же время предателем и агентом полиции... Товарищи, мне это страшно выговорить... И еще страшнее пережить... *(Пауза)* Но мы должны это пережить... во имя революции, которой мы отдаем наши жизни...

ГОЛОС БОЕВИКА *(возбужденно)*: Что это значит?

ЕВГЕНИЙ: Прошу не перебивать!

НИЛ: А я объясню вам, дорогой товарищ, что это значит. Это значит, что все мы, несмотря на страшный психологический шок, не должны поддаваться эмоциям... пусть даже вполне законным. Как люди, всецело отдавшие себя революции, мы должны всё приносить ей в жертву, всё — только для торжества революции...

ГЛЕБ *(с места)*: Что ты предлагаешь, Нил? Непонятно.

НИЛ: Что я предлагаю? Я предлагаю не выносить на улицу трагедию нашей партии... вот что я предлагаю! Товарищи, представьте себе только, что произойдет, если вся эта страшная история попадет в печать?! Ведь это же будет подано, как сенсация во всем мире! Вождь революционеров — агент полиции!... Вы представляете себе — результаты?... Наша партия рухнет... от

нее отшатнутся массы... этим воспользуются наши враги... вы представляете размеры такой катастрофы для партии?!

ПЕРВЫЙ БОЕВИК *(с насмешкой)*: Так что ж, отпустить его с миром? Это вы предлагаете?

НИЛ: Нет, этого я не предлагаю. Я знаю Ивана 15 лет. И я уверен, что после постановления ЦК о признании его провокаторства он завтра же действительно пустит себе пулю в лоб. А мы передадим Боевую — товарищу Виктору.

ВТОРОЙ БОЕВИК: Двести тысяч в банке и пуля в лоб — плохо вяжутся.

НИЛ: Нет, я лучше всех вас знаю Ивана и в таком его конце совершенно уверен. Он этого не переживет. И это будет лучший выход — для партии. По крайней мере вся эта страшная наша трагедия не попадет в печать, и партия не будет погублена. А если я в своем предположении о самоубийстве Ивана ошибаюсь, тогда...

В комнату вбегают взволнованные Николай и Михаил.

НИКОЛАЙ *(с трудом переводя дыхание, кричит с отчаянием)*: Товарищи!... он бежал... Иван скрылся!...

ЕВГЕНИЙ *(пораженно, недоуменно)*: Как бежал?...

МИХАИЛ: Не успели мы еще дойти до его отеля, как видим: Иван с чемоданом почти выбежал из отеля, сел в автомобиль и скрылся. Мы бросились в отель, нам сказали, что уехал, не оставив адреса!

Все совершенно растеряны. Молчанье. Раздается смех Виктора. Все оборачиваются к нему. Виктор хохочет все сильнее жутким, истерическим хохотом.

Занавес

«НОВЫЙ ЖУРНАЛ»

под редакцией

РОМАНА ГУЛЯ

ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

•••

В 1969 году выйдут ЧЕТЫРЕ КНИГИ

•••

Подписная цена 10 долл. в год (за 4 книги)
Цена одной книги — 3 долл.
Во Франции — 10 франков

•••

ЗАКАЗЫ АДРЕСОВАТЬ В КОНТОРУ «НОВОГО ЖУРНАЛА»:

The New Review, 2700 Broadway

New York, N. Y. 10025

Телефон редакции и конторы: МО 6-1692.

Прием по делам редакции и конторы — ежедневно, кроме праздников и суббот, от 5-ти до 6-ти час. дня.

PRODUCED BY RAUSEN LANGUAGE DIVISION
150 VARICK STREET, NEW YORK, N. Y. 10013
420